ПИОНЕР

12
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЗАГАДКИ
МАКАРА СВИРЕПОГО

К нам явился Макар Свирепый и сказал, что он загадочный человек и живет верхом на лошади. По-настоящему мы поняли, что он загадочный человек, когда он предложил нам свои загадки.

— Ни один человек, кроме моей лошади, не отгадает этих загадок,—сказал Макар.

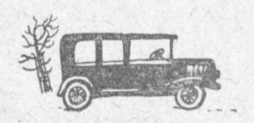
Мы с ним не согласились. Вот его загадки. Товарищи, отгадывайте!

Портрет товарища Макара.

№ 1. МУХА И АВТОМОБИЛЬ

Возле театра стоял автомобиль. На него села муха. Вдруг автомобиль тронулся. Автомобиль поехал вперед, а муха назад. Как это могло быть, если муха все время неподвижно сидела на автомобиле?

№ 2. ТАИНСТВЕННЫЙ МАКАР

У двух рыжих есть брат Макар. А у этого Макара нет ни одного брата. Как это может быть?

№ 3. СЛОВО, КОТОРОЕ ТРУДНО ВЫГОВОРИТЬ

Назови какое-нибудь русское слово, в середине которого стоят пять согласных под ряд.

№ 4. 30-30-30

Назови три русских слова, оканчивающихся на „зо".

ПРИМЕЧАНИЕ К ЗАДАЧАМ № 3 и № 4

Различные сокращенные названия (вроде ВЦСПС), а также иностранные слова (вроде авизо) или имена и фамилии (вроде Робинзона Крузо)—в счет не идут.

КУПЕЦ КОСТИН

Лет сорок тому назад в Ростове жил купец Костин. Он очень любил шахматы, но играл плохо.

Однажды он решил сыграть по переписке с кем-нибудь из знаменитых шахматистов: Чигориным или со Стейницем.

Он написал обоим им письма, в которых сообщал, что у себя в Ростове он считается непобедимым шахматистом и теперь хочет сыграть с ними.

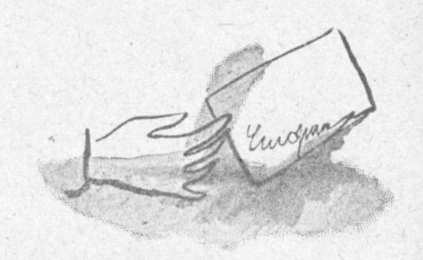
Из любопытства и Чигорин и Стейниц согласились играть с Костиным.

Когда приятели Костина узнали об этом, они засмеяли несчастного купца.

Один из приятелей сказал Костину:

—Знаешь, если ты хоть ничью с кем-нибудь из них сделаешь, то я тебе плачу 1000 рублей.

Прошло несколько месяцев. Однажды Костин позвал к себе всех своих приятелей и показал им письмо от Чигорина.

В письме Чигорин писал, что он считает свою партию проигранной и поэтому сдается Костину.

После проверки оказалось, что это действительно подлинное письмо Чигорина, и Костин получил от своего приятеля 1000 рублей.

И никто не мог понять, почему Костин обыграл Чигорина, хотя все знали, что игрок он—плохой.

Шлите разгадки в редакцию, да поскорей.

Разгадки будут напечатаны в № 14 „Пионера".

Адрес редакции журнала «Пионер»—Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия».

Редколлегия: Н. Булатов, И. Желобовский, Б. Ивантер, И. Разин, М. Эпштейн

Отв. редактор И. Разин.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ИЮНЬ

№ 12

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

МИРЗА-ТУЙГУН

Рассказ О. ТРИЗНА
Рис. Д. ГУТМАНА и В. ФИЛИППОВСКОГО

Посвящаю Легушке
и Дымовичу—Атику
и Лелику.

Солнце зашло, сразу стало холодно. Раимкул юркнул в зимовку. Даже ему, десятилетнему мальчику, пришлось согнуться, чтобы пролезть в узкую дверь.

Пахнуло чадной теплотой. Мать сидела у очага, подкладывая под котел хворост. Сверху, с балок, прямо на нее свешивалось какое-то тряпье. В котле булькало просо.

У двери, где было светлей, сидели мужчины. Отец, тонкий, сухопарый, словно на минуту присел на поджатую ногу, а другую, запачканную глиной, выставил вперед. Дед Уракбай сел на обе—грузно, прочно, будто собирался сидеть так всю ночь. И не шевелился, только пощипывал свою реденькую бородку.

— Опять плохая охота была—лунь попался—сказал отец.

— Покажи.

Отец вынул из куржума [1] небольшую белую птицу и швырнул ее старику.

Птица мягко ударилась об пол. Дед осторожно взял ее в руки, приподнял болтающуюся головку, пощупал тонкий клюв и посмотрел на отца.

— Ах ты, дувана [2], зачем убил, ведь это Мирза-туйгун—тебе за него сто рублей дали бы.

— Я никогда не видал такого—сказал отец.

— Мирза-туйгун—белый ястреб, это его бог отметил, с ним всякая охота счастливей. Ах ты, дувана—хлопнув отца по колену, сказал дед и нежно погладил мертвую птицу.

— Я знаю место, где отец убил его—вмешался Раимкул, блестя глазами:—пойдем туда.

— Молчи—сердито сказал отец.

А дед покачал головой.

— Туйгуны редки... И разве ты знаешь, как ловят ястребов. Птица хитрая. Сто рублей. .—как бы про себя повторил он.

[1] Мешок, который перекидывают на седло.
[2] Глупый.

— Ох, ох, не говори.—Отец стал бить себя по голове и плакать.

Дед молча гладил птицу, раскрывал задернутые пленкой глаза, теребил мертво повисшие, загнутые когти. Мать повернулась от котла и печально глядела на отца—у нее не было ни сапог, ни новой рубахи, что уж говорить про Раимкула.

А Раимкул словно заснул. Он обхватил руками грязные, как корой покрытые, обветренные ноги, положил голову на колени, смотрел на отца, на деда, на птицу и думал.

Вот поймали они живого туйгуна, и отец собрался на базар в Карбулак. Раимкул там никогда не был—он, кроме своих гор, ничего не видел. Вот приехали на базар—тут он ничего не мог придумать—и покупают новую рубаху, а какая она, разве он знал. Говорят, когда был праздник, мать сшила ему новую рубаху. Раимкул не помнит ее—может, она была яркая, розовая, как у соседки Хамры, может, синяя полосатая, как штаны у деда. С тех пор, как он помнит себя, на нем всегда рыжий, вонючий халатик. А когда они продадут туйгуна, у него будут новые калоши, шапка с мехом, собственная нагайка... И дома устроят праздник—вместо просяной похлебки жирный бараний суп.

В зимовке стало совсем темно. Мать сняла котел с очага и в краснеющие угли поставила закопченный кумган [1], Отец давно спал, положив под бок пыльную баранью шкуру.

Еще длинные тени ползают по саям [2], но кругом уже светло и далеко видно каждую пролетающую птицу. С холма на холм, по заросшим, еле видным тропочкам идет Раимкул с отцом.

Отец несет голубей, сырое мясо, палки, веревки, кетьмень. Он молчит, только шуршит под ногами трава, да постукивают одна о другую палки. За плечами Раимкула мешок с лепешками, которые мать спекла в углях. Раимкул тоже молчит—он смотрит в небо. Вон ласточка метнулась. Джурчи неподвижно

[1] Кувшин.
[2] Ложбина.

повис в воздухе. Но Раимкул ищет ястреба. А босые привычные ноги ловко пригибают цепляющиеся колючки и оставляют ясный след в мягкой, холодной пыли.

Высоко на холме у камней остановились.

— Собирай траву—сказал отец, поплевал на руки и взял кетьмень. Ходит Раимкул, вырывает засохшие кусты и слушает, как лязгает о камни отцовский кетьмень.

— Неси еще—говорит отец, покрывая крохотную землянку травой, притаптывая ногами землю. К вечеру землянка была готова. На 100 шагов от нее поставили сети, закрытые с боков, открытые сверху. В сетях привязали к колышку голубя. Он боязливо топорщил крылья и вырывался.

Старик догнал отца и поехал рядом.

— Пойдем, надо отдохнуть—сказал отец.

И они вернулись к землянке.

Неделю жили в землянке. Два дня в сетях, кроме голубей, ничего не было. Потом поймался обыкновенный пестрый ястреб и отец нечаянно его выпустил.—И опять ничего.

Лежит на животе Раимкул, жует серую от золы лепешку и смотрит. В желтой траве копошатся муравьи, неуклюже переползая через былинки. Впереди стеной поднимаются горы. Тихо, тихо кругом, только ветер в траве шевелится. Отец чинит какой-то ремешок, сплевывает табак и тоже смотрит.

Вдруг вскочил Раимкул.

— Попался, смотри, попался...

Они бегут к сетям. Там яростно бьет крыльями белый, пушистый ястреб.

Он увидел голубя, кинулся на него, ударил клювом, вцепился когтями, хотел, не поднимаясь, лететь дальше. И запутался.

— Не подходи—ущипнет—кричит отец, осторожно просовывая руку в сетку. Птица бьется, хлопает крыльями, хрипло, резко кричит. Раимкул то подбегает, то отскакивает, и радостно охает.

В землянке Раимкул подает ремни и веревки, пока отец связывает туйгуну ноги и опутывает его.

Ястреб норовит клюнуть пальцы, яростно вращает круглыми желтыми злыми глазами и кричит. Но отец связывает его и тонкой волосинкой зашивает ему веки.

— Ему больно, зачем ты это делаешь?—беспокоится Раимкул.

— Ахмак [1] ты, ничего не понимаешь, так он скорее привыкнет ко мне, И ему не больно—видишь я сейчас распутаю веревки.

— А когда ты откроешь ему глаза?

— Подожди, мальчик, скоро.

И он гладит вздрагивающего туйгуна, нежно приговаривая:

— Поо-па, поо-па.

Через несколько дней туйгун уже не бился и спокойно сидел на перекладине. Отец все время кормил его сырым мясом.

Еще через несколько дней отец расшил ему глаза и, привязав его на веревочку, пустил к мясу.

Туйгун кинулся. А отец опять нежно воркующе приговаривал:

— Поо-па, поо-па.

Потом туйгун брал мясо из рук и сидел на пальце.

— Можно учить его—сказал отец. Перед ученьем отец целый день не кормил туйгуна. А ночью, когда туйгуи подвернул голову, чтоб уснуть, отец брызнул ему на шею воды.

Туйгун встряхнул головой и открыл глаза. Шея была мокрая, голову некуда приткнуть—и он не спал всю ночь.

Утром отец пустил раздраженного бессонницей и голодом туйгуна сначала на веревке и поманил мясом назад. Туйгун прилетел и сел на перекладину.

— Смотри!—крикнул отец и перерезал веревку.

— Он улетит!—хватая отца руками, вскричал Раимкул: ему казалось, что с туйгуном улетит и базар и рубаха, и все, о чем он мечтал.

Далеко на холме, привязанный к колышку, сидел серый испуганный голубь.

Туйгун камнем бросился на него.

— Пойдем туда—сказал отец.

Туйгун не улетел. Он сидел, впившись когтями в теплый еще трупик голубя и хищно поблескивая, желто-золотыми глазами,

— Поо-па, поо-па,—поманил отец, вынимая розовый кусок мяса.

Туйгун повернул голову и посмотрел, как будто сказал:

— Ну что?

— Поо-па, поо-па,—еще раз повторил отец и подставил перекладину.

Туйгун взмахнул крыльями и сел.

— Понимает!—вскричал Раимкул, чуть дотрагиваясь до белых, сверкавших в ярком солнце крыльев.

— Скоро его можно будет продать — объявил отец.

И сердце Раимкула запрыгало от радости. А вместе с сердцем запрыгали ноги и язык. Раимкул кувыркался, кричал, визжал, катался по высохшей желтой траве, по колючкам. А отец посмеивался, глядя на сына и подставлял солнцу свою спину.— Недолго еще будет тепло, вон как низко спустился снег в горах.

Встали рано. Мать вытащила отцу из сундука старый, но все еще пестрый халат. Раимкулу повязала через халатик синий, линючий платок. Даже у

[1] Дурак.

Мирза-туйгуна особенно празднично блестели перышки.

Дед Уракбай привел свою старую кобылку. Отец с туйгуном сел впереди на седло, Раимкул сзади, прямо на лошадь.

— Торгуйся, не уступай—крикнул вслед Уракбай.

Мать стояла, пока они не скрылись за холмом.

Стучат камни под копытами, шелестит трава. Ерзает Раимкул по твердой покатой спине лошади.

— А салам алейкюм [1]—говорят повстречавшиеся всадники.

— Уа алейкюм асалам [2].

— Мал джан аман ба [3]?

— Шункур [4].

Торжественно, растягивая слова, говорит отец. В рыжей лохматой шапке с загнутыми полями, в пестром слежавшемся халате, он важный и необычный.

Краснолицый старик на сером стройном жеребце в армячинной [5] попоне догнал отца и поехал рядом.

— На базар продавать.

— Да. Обученный Мирза, двадцать фазанов за день поймает—гордо отвечает отец.

— Сколько просишь?

— Сто.

— Дорого, уступи.

— Ну—80.

— Дорого. На базаре больше 50-ти не дадут.

Отец заупрямился. Раимкул прижался к нему и шепчет:

— Не продавай, на базар поедем.

— Ну, по рукам,—спрашивает старик.

— Говорю не отдам меньше 75.

— Отдай за 70, лошадь купишь.

— Нет, это лучше десяти лошадей.

— Вот несговорчивый, ладно, получай. Только вези ты мне его до дому. Пусть и мальчишка едет, хороший мальчишка—любезно добавил им старик.

Хотело выскочить сердце Раимкула, когда въезжали на базар. Шум, крики оглушили его.

Лавки раскрыты настежь. Шелковые пестрые халаты с растопыренными рукавами, меховые, с бархатной верхушкой шапки—все как раз на Раимкула. Блестящие, скользкие, с малиновой пушистой подкладкой калоши. А подошва шершавая, как камень. Раимкул даже зажмурился.

Когда подошли к нагайкам, где пахло кожей и блестело серебро украшений, он раскрыл глаза и не знал, какую выбрать.

Долго ходили по базару. Долго разглядывал Раимкул невиданные вещи, прижимая к груди твердо крахмальную, прошитую черными нитками розовую рубаху, высоко поднимая ноги в новых, отражавших небо, калошах.

Потом в чайханэ пили чай с леденцами, закусывали горячим супом, считали покупки и деньги.

И только поздно вечером, при луне, выехали домой.

— Поо-па, поо-па—по привычке сказал Раимкул.

В углу, где обычно сидел Мираз-туйгун, еще валялись засохшие кусочки мяса, стоял черепок с водой. Но туйгуна не было... Раимкулу стало очень грустно. Он повертелся в зимовки, посмотрел кругом и вспомнил свои обновы!—Рубаха—розовая, цветистая, такой и у Хамры нет. Калоши, которые с удовольствием надел бы на руки, так они красивы.

Пошел к матери.

— Дай рубаху.

— Поди прочь—сказала мать. Она сидела на полу и раскатывала серые лепешки теста.

— Я только посмотрю—робко сказал Раимкул и придвинулся к сундуку.

— В праздник получишь.

Но Раимкул приподнял крышку сундука.

— Шайтан!—крикнула мать, вскочила с полу и так хлопнула Раимкула по спине, что он согнулся и выскочил из зимовки. Он сел на солнечной стороне—в тени было холодно—оглянулся на мать, потер спину и равнодушно стал смотреть, как отец, весь перепачканный глиной, замазывал щели и дыры зимовки. Надоело. Раимкул спустился с холма к речке, где валялись большие камни.

Было тихо. Журчала крохотная речонка. Шелестел зеленый камыш. Сверху доносилась песнь отца.

— Эй, бала [1], как проехать наверх?

Раимкул оглянулся. Краснолицый старик на сером коне нагнулся к нему.

Мирза-туйгун безжизненно повис...

— Сюда, сюда—заметался Раимкул и бросился вверх по холму к отцу.

— Что, кто, что ты говоришь?

Но Раимкул, захлебываясь, говорил, показывая вниз рукой.

— Старик... спрашивает... приехал к нам, хочет туйгуна... пойдем.

В это время старик въехал на холм.

— Я приехал спросить, не умеешь ли ты лечить туйгуна—сказал он и осторожно передал отцу небольшой сверток.

[1] Мир вам.
[2] И вам мир.
[3] Скот и душа благополучны ли?
[4] Слава (богу выпускается).
[5] Ткань из верблюжей шерсти.

[1] Мальчик.

Отец вздрогнул. В пестром платке лежал Мирза-туйгун. Но какой он был худой и жалкий. Перья его обвисли, потускнели и загрязнились. А глаза—желтые, злые глаза—стали мутными и грустными. Он тяжело дышал и поминутно открывал клюв, как будто просил пить или ему нехватало воздуха.

Широко открыв глаза, бледный, испуганный, стоял Раимкул. Отец гладил птицу, приговаривая „поо-па, поо-па“. Но туйгун не отвечал на знакомый голос.

Сбежались соседи. Послали за Уракбаем—он знал толк в птицах и умел лечить их. Он пощупал вздувшееся брюшко, заглянул в помутившиеся глаза и покачал головой.

— Всего три дня назад был я с ним на празднике, он был здоров и ел мясо—заговорил старик:—вылечи, Уракбай. Ведь охотник какой, дрофу брал одним ударом.

Уракбай опять покачал головой и молчал.

Толпа разошлась. Старику постлали одеяла, согрели чай, ухаживали за ним, ведь, он был гость и с ним стряслась беда.

Вечером, когда Раимкул уже спал, Уракбай взял туйгуна и сел, отвернувшись от людей. Пошептал что то и, раскрыв ястребу клюв, протолкнул ему в горло тяжелую каплю ртути. Мирза-туйгун вытянул голову, крякнул и безжизненно повис на руках. Уракбай прикрыл его халатом. И стал молиться. Светила луна. Длинные черные тени тянулись за зимовкой. Холодный ветер врывался в щели. И жалобно скрипела, привязанная веревочкой, кривенькая дверка.

Раимкулу снилась охота—на его руке сидел Мирза-туйгун. Летнее солнце жгло...

— Что-ж делать?—громко сказал отец.

Раимкул сразу проснулся и вспомнил. Наскоро натянул рукава халатика и выскочил из зимовки. На солнечной лужайке стояли отец, дед и краснолицый старик. На земле, вытянув пушистые ноги, отбросив голову, лежал Мирза-туйгун. Он был мертв.

Никогда он не откроет своих желтых глаз. Не ущипнет за руку, выбирая кусочки мяса. Не будет охотиться с Раимкулом. Никогда. Раимкул заплакал.

Мирза-туйгун умер.

Отец стоял молча, опустив голову, дед угрюмо щипал бороду, а старик сказал.

— Воля бога. Надо везти его в город, я знаю, там есть люди, они покупают мертвых птиц. Ну, чего ты плачешь, бала, хочешь, поедем со мной.

Туйгуна опять завернули в платок и положили в куржум. Раимкул опять сел прямо на спину лошади. Мать сунула в куржум вместе с лепешками новую розовую рубаху. Но даже не посмотрел на нее Раимкул.

В городе было много людей. Все дороги были в камне, хотя гор близко не было, Но зато на каждом шагу были зимовки и такие большие, что Раимкул не мог придумать, сколько сундуков можно поставить в них. Около одной зимовки путешественники остановились. Из дверей вышел русский человек, перепачканный пухом, как будто только что щипал птиц.

Старик вынул туйгуна и стал рассказывать.

Русский взял туйгуна, повертел в руках и что-то радостно проговорил.

— Он был наш—решился сказать Раимкул.

— Где вы его поймали?

— На холме, где арча растет, там, в наших горах.

— Молодец, что поймал.

— Вы его не бросите?

— А тебе жалко. Он будет у нас, как живой.

— Живой?!.

— Пойдем, посмотрим.

Они не сгибаясь, вошли в большую голубую дверь, прошли просторную, светлую зимовку, где по стенам висели какие-то непонятные вещи и открыли дверь в большую михман-хану [1]. Она была полна птиц. Темный красивый ястреб широко смотрел круглыми глазами. На камне остановился и повернул голову кеклик. Над ним растопырил крылья страшный беркут, держа в лапах крошечную птичку.

— Их возьмут на охоту? Кто их кормит?—спрашивал Раимкул, то подходя близко к птицам, то пятясь назад.

— Таким будет и твой Мирза-туйгун—улыбаясь сказал русский и дал Раимкулу небольшую птицу.

Раимкул растерялся, сел на пол, придвинул к себе птицу, гладил, заглядывал в глаза, что-то бормотал.

— Пойдем—сказал старик.

Раимкул покачал головой и схватился за птицу.

Внимательно посмотрел на него русский.

— Ты любишь птиц?

Раимкул мотнул головой.

— Ты, бала, сиди у русского, я схожу на базар и поедем—сказал старик — только не уходи, заплутаешься.

Старик ушел. Ушел и русский, опять, верно, щипать птиц. В зимовке остался один Раимкул. Где-то за стеной шумел и грохотал город. Здесь было тихо. На Раимкула со всех сторон смотрели неподвижные птичьи глаза. — Раимкулу стало страшно. Он выскочил из михман-ханы, пробежал пустую молчащую зимовку и в

[1] Комната для гостей.

какую-то дверь выскочил на дорогу.—У него закружилась голова.

— Пшел, пшел—кричали русские арбакеши, и их было столько, что на дорогу нельзя было ступить. Раимкул пошел по краю дороги. Он смотрел, как двигались кругом русские арбы, как закрывались и открывались двери больших зимовок, как проходили люди все в новых, празднично-чистых рубахах.

Никто не замечал Раимкула, потому что он был маленький и шел по краю пыльной дороги. Ему хотелось есть и он стал сосать кусочек лепешки. Становилось темно и холодно.—Раимкул устал. И вдруг над самой его головой низко-низко зажглась большая желтая звезда.—Другая, третья—и в городе стало светло, как днем. Но Раимкулу хотелось домой, он устал.—Он повернул обратно и опять шел, шел, шел.

—Ой, бала, да ты никак здесь,—сказал голос над ним.—Русский, у которого остался Мирза-туйгун, стоял, разводя руками.

— Куда же ты убежал, а твой знакомый искал, искал тебя и уехал.

Раимкулу было все равно, ему хотелось спать.

— Ну пойдем, бала,—сказал русский—ты, я вижу, совсем обалдел.

Они пришли опять туда, где были утром, только в зимовке, где спал русский, не было птиц, а по стенам висели какие-то непонятные бумаги.

— Пей чай—сказал русский,—мы тебя приспособим, и по-русски говорить научишься.

В эту ночь Раимкулу снилось столько вещей, что он не смог бы никогда рассказать, если бы не забыл на другое утро все разом.

В зимовке русского было тепло и чисто. А на сундуке в углу лежала вывернутая шкурка Мирза-туйгуна.

Молодой курай уже вылезает из теплой, сырой земли. Зеленым пухом покрылись холмы.

Стала немного просыхать дырявая зимовка. Отец вспахал землю и сказал.

— Ну, теперь я поеду в город.

Достал лошадь Уракбая, взял с собой свежих лепешек и уехал. В городе был он в первый раз. Долго ездил он из улицы в улицу и спрашивал:

— Где живет Раимкул?

— А кто такой Раимкул?

— Раимкул, Исмаил-баласы [1] — отвечал он. Он думал, что в городе, как в родном ауле, можно сразу найти своего человека.

Он уже устал искать и хотел ехать в караван сарай [2].

— Кого ты ищешь?—спросил его длинный, худой русский.

— Сына, Раимкула, а его тут никто не знает.

— Раимкула. Да ты откуда, из Буралдая?

— Да, да.

— Так пойдем.

Они прошли несколько улиц и вошли в ворота. На террасе, где сидел перепачканный пухом препаратор и разложены были разные птицы, суетился Раимкул.

Ровно подстриженный, в новой пестрой рубахе, в кожаных, скрипучих сапогах — совсем новый Раимкул.

[1] Исмаила сын.
[2] Постоялый двор.

На террасе сидели препаратор и Раимкул.

— Раимкул—крикнул отец. Тот оглянулся и бросился к воротам.

— Мальчик, Раимкул, молодец—бормотал отец, трогая его руками, словно не верил своим глазам.

Голос его дрожал. На глазах выступила влага. Он не знал, куда девать мешочек с сухими шариками сыра, который мать прислала Раимкулу.

А Раимкул стоял неподвижно, моргая глазами, и улыбался сразу всем ртом, так что блестели зубы...

— Заведущи нет, я показать птиса — сказал Раимкул, обращаясь к препаратору.

— Показывай, брат, показывай.

На-цыпочках, боясь сделать лишнее движение, шел отец за Раимкулом.

— Вот — сказал Раимкул и открыл дверь.

Прямо на отца смотрел Мирза-туйгун.

— Мирза-туйгун!—крикнул отец. Подошел к стеклу, подставил палец и тихо-нежно сказал:

— Поо-па, поо-па.

— Ибан, Ибан, иди, отес не понимает—кричал, захлебываясь от восторга Раимкул.

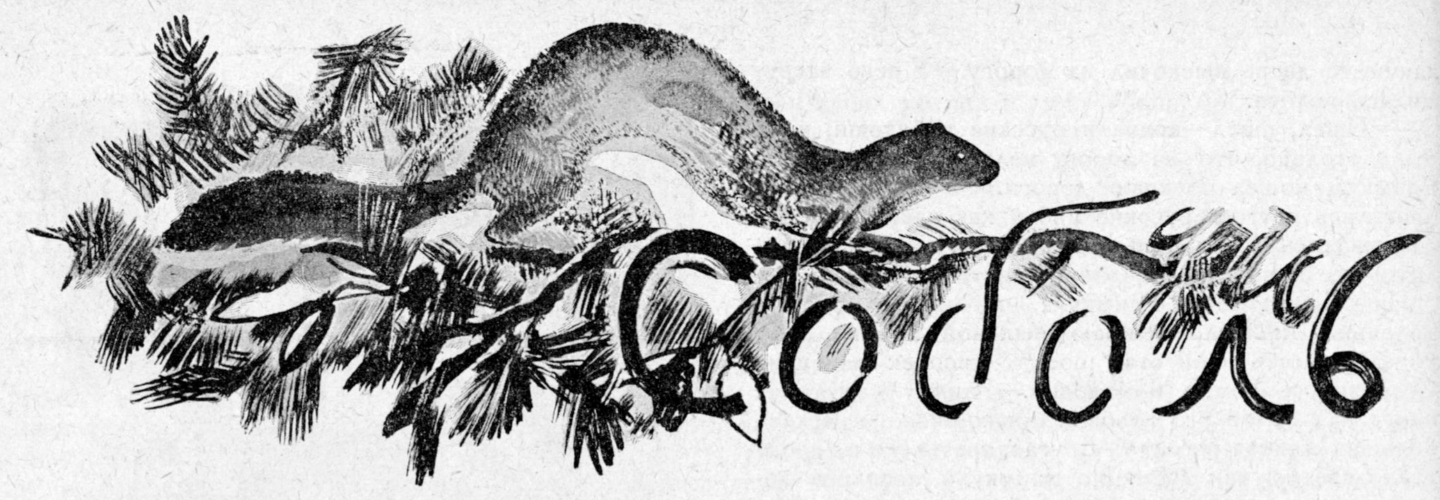
Он достал птицу из витрины, и только тогда отец убедился, что птица не живая.

— Сьвсем, совсем растоящий и нога ободрана в том же месте—говорил он.

Потом живо обернулся к Раимкулу и сказал:

— Правду говорят старые люди, что эта птица приносит счастье, кто мог думать, что ты будешь таким, Раимкул... А ведь мать плакала, думала—пропал.—И вдруг пригнувшись к уху, зашептал:

— Осенью опять будут лететь ястреба, мы поймаем туйгуна и никому не продадим. Ведь, приедешь?

Стихи ЭД. БАГРИЦКОГО
Рисунки Л. БРУНИ

Соболь

Под сосенником высоким,
Где дрожит весенний зной,
Дом поднялся к лесу боком,
Отливая смольным соком,
Маслянистой желтизной.

Постучи в калитку смело;
Огляди широкий двор.
Клетки, клетки. Краской белой
Густо выкрашен забор.

В клетках шум и толкотня,
Визг, веселая возня.

На зверье глядит толково,
Ходит по двору один
Зоотехника Петрова
Двенадцатилетний сын.

Он подходит к каждой клетке,
Он подбрасывает ветки,
И копается рукой
Он в подстилке травяной.

В каждой клетке разный зверь.
Разберись-ка в них теперь?
Чернобурая лисица,
Белогрудая куница,
И серебряный песец,
А теперь гляди-ка в оба:

Тонкий, легкий черный соболь
Вьется в клетке, как вьюнец,
Мех невиданной окраски,
Лапок легкие следы,
И блестят на морде глазки,
Словно капельки воды.

Сеня—накорми зверье:
Вот занятие твое;
Сеня дверцу настежь—
Вдруг,
Проскользнув ужом меж рук,
Прямо в чашу, черный, быстрый,
Как дымок, как пух, как выстрел,
Через колья в дебри, в лог,
Пролетает соболек.

Что говорит Сеня

Обманул меня звереныш, обманул:
Из питомника в чащобу ускользнул.
Что мне делать я не знаю, как мне быть,
Надо соболя по следу проследить.
Ты, Сенюша, видно, очень плох,
Если с соболем ты справиться не мог.
Юрк хвостом—и соболь на сосне,
Скалит зубы, машет лапкой мне...
Что-ж! Я с лайкой двинусь по следам,
Соболя я лесу не отдам.
Месяц, год, неделю—все равно,
Буду рыскать, не жалея ног...
Эй „Тунгус“, мой остроухий пес,
Поверни на ветер влажный нос...
Ты хвостом-калачиком взмахни:
Начинаются большие дни.
Лес пойдет на нас со всех сторон;
В путь дорогу—начинаем гон!

И Сеня надевает
Большие сапоги,
Засовывает в сумку
С печенкой пироги.
С ушастою собакой,
Отчаянной кусакой,
С берданкой за плечом
Идет он напролом.
А лайка водит носом,
Кружится, как юла...
Вот запах прихватила,
Рванулась... Повела...
По буеракам, в дебри,
В кусты, через ручей,
Стремглав несется лайка
И Сеня вслед за ней...
А наверху, по веткам,
Наощупь, без дорог,
Летит полетом метким,
Как птица, соболек...

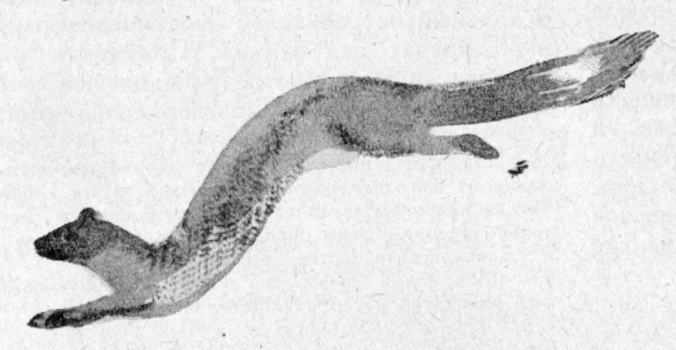
Что думает лайка

Подыму я по ветру нос
Откуда-то соболем дует,
Я старый охотничий пес,
За зверем враз поведу я.
Я не вижу его. Впотьмах,
Я нюхом его ощущаю...
Каждый кустик зверем пропах,
Здесь он, здесь он—я это знаю,
Пробегу я за ним три дня—
Я выслеживать вечно буду...
Не уйти ему от меня—
Все равно, я его добуду.

Что думает соболь

Бежать, бежать, бежать!
Кружиться, подыматься!
Скользить, лететь, скакать!
Опять, опять, опять,
Цепляться и срываться!
Скорей, скорей, скорей,
Промчаться меж ветвей,
Нырнуть в сырую хвою,
Исчезнуть в темноте,
Чтоб пес, скуля и воя,
Застрял в сыром кусте.
Собью собаку с толку,
Мальчишку уведу
В трущобу, в зубы к волку,
К проклятому пруду.
Скорей, скорей, скорей,
Скользить промеж ветвей.

Оседает муть тумана,
Чуть потрескивает прель...
...Вот последняя поляна
И растрепанная ель.
Пробежав поляну вмиг,—
Соболь сгорбился и прыг!
Ну, живее налетай-ка,
Не мечтай и не зевай,
Зверь на месте. Значит, Лайка,
Звонко соболя облай!
Он и съежился и сжался
Он сильней к коре прижался...
Не уйти ему никак,
Не исчезнуть без обмана:
Перед елкою поляна,
Стережет под елкой враг...

Что думает Сеня

Стрелять не годится,
Можно убить;
На дереве соболя
Не ухватить.
Пойду я в деревню
Ближайшей дорогой,
Быть может, охотники
Делу помогут.
Ты, Лайка, сиди,
За зверем следи.

И охотники Сенюше помогли:
Сеть широкую в корзине принесли.
Ель опутали—не выйти нипочем,
Ствол корявый подрубили топором
Как не прыгнет—некуда уйти,
Кувыркайся да барахтайся в сети.
Не играть тебе, приятель, меж ветвей,
Возвращайся-ка в питомник поскорей.

И снова машут сосны,
Косматыми ветвями,
И снова кормит Сеня
Веселое зверье.
Хоть соболь, как известно,
Детей не вывел в клетке,
Не унывает Сеня—
Работает, поет.
— Дадим побольше клетку,
Найдем получше пищу,
Мозгами пораскинем—
И выведем зверей.
Работай, Сеня, смело,
Узнай, как надо, дело,
И разведешь зверье...
Поедут заграницу
И соболь, и куница,
И прочее сырье.
А к нам-то путь не длинный
Гляди—уже машины
Идут взамен мехов.
Работай, Сенька, смело,
Узнай, как надо, дело
И разведешь зверьков.

ВОЗДУШНЫЕ БОИ

Очерки ЕВГ. БУРЧЕ

Рисунки А. ЛАБАСА

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Один из первых польских налетов на наше расположение произошел 17 апреля 1920 г. Четыре польских самолета показались над нашим аэродромом, находившимся недалеко от города Борисова, и сбросили бомбы. Сейчас же взмыл в воздух наш истребитель под управлением летчика-краснознаменца Ширинкина. Машина была старая и расхлябанная, вдобавок, баки не успели налить бензином полностью, но тем не менее Ширинкин смело атаковал ближайшего из противников. Началась пулеметная стрельба. Внезапно поляк резко наклонил свой самолет и пошел на снижение. Ширинкин сделал вираж [1], чтобы броситься вдогонку за подбитым противником, но в этот момент вывернулось одно из крыльев его самолета... Только счастливое стечение обстоятельств спасло смелого летчика от верной смерти.

Подбитый в бою неприятель, по сообщениям крестьян из ближайшей деревни, сел в средине большего леса, и его экипаж, очевидно, разбился, так как наши разведчики донесли, что поляки долго, но безуспешно искали упавший самолет и даже предлагали крестьянам за его находку $1/2$ тонны соли. Говорили, что наблюдатель этого самолета имел при себе какие-то очень важные документы и был среди польского командного состава крупной персоной.

Первого мая, в воздухе, на большой высоте, опять был замечен неприятельский самолет. Четыре наших сторожевых истребителя, под управлением летчиков Ширинкина, Соболева, Бурова и Кузина, поднялись в воздух и сплоченной группой атаковали неприятельскую машину, одновременно отрезав ей путь к отступлению. Со всех сторон затрещали пулеметы, и подстреленный противник с высоты 1000 метров начал падать. Совершенно отвесное падение продолжалось до 50 метров от земли, где поляк попытался выравняться. Однако, его изрешеченные крылья не выдержали возросшего при этом маневре давления воздуха: крылья сложились, и аппарат камнем ринулся на землю. Преследовавшие его почти до самой земли красные летчики видели, как к упавшему самолету бросились польские солдаты и вытянули из-под обломков тяжело-раненого летчика. Наблюдатель же был убит.

[1] Поворот.

Воздушная инициатива была вырвана из рук поляков и они сразу приутихли. Только 14 мая, да и то на территории противника, один из наших истребителей, под управлением летчика Петрова, был атакован польским истребителем последней конструкции. Противник подошел сзади и летчик Петров сначала принял его за „своего“, тем более, что из-за солнца были плохо видны польские опознавательные знаки—красно-белые квадраты, накрашенные на его крыльях.

Увидев, наконец, что это неприятель, тов. Петров пытался повернуть свой самолет, чтобы встретить его пулеметным огнем, но тот уже успел занять выгодное положение за хвостом нашего самолета и начал его обстреливать. Ни скольжения, ни повороты, ни петли, ни штопор не дали Петрову возможности „вырвать у противника свой хвост“ и пустить в ход собственный пулемет [1]. Ничего не помогает — более мощная и быстроходная машина противника, точно приклеилась к его хвосту и ни на минуту не перестает его обстреливать.

Три мертвые петли, отчаянное пикирование [2] и красный истребитель выравнивается всего лишь в 30 метрах над землей. Противник опять сзади и опять обстреливает... Крылья покрыты дырами от пуль. Фюзеляж [3] просверлен во многих местах.

[1] При нападении на самолет истребительного типа нападающему выгоднее всего поместиться за его хвостом. У истребителя пулеметы установлены неподвижно и могут стрелять только вперед. Таким образом сзади, истребитель беззащитен.

[2] Совершенно вертикальный спуск.

[3] Фюзеляжем называется основной корпус самолета, в котором находятся мотор и кабины летчиков.

Выхлопная труба мотора сорвана пулей... Поляки, стоя на окраине города Борисова, торжествующие, предвкушали гибель краснозвездного аппарата. По пулям, оставляющим за собой дымовой след [1], они ясно видели, что попадание следует за попаданием. Летчик Петров устремился в самую гущу строений Борисова. Его самолет, казалось, нырял между крышами и скользил по их скатам... Миновав город, он пошел над рекой Березиной всего лишь на высоте одного метра. Противник перестал стрелять. То ли малая высота не давала ему простора для маневрирования, то ли у него вышел весь запас патронов. Проводив нашего истребителя до линии своих окопов, он повернулся и начал уходить, забирая высоту. Изрешеченный „Спад" тов. Петрова пронесся под жестоким огнем над польскими окопами и через короткий промежуток времени благополучно спустился на своем аэродроме.

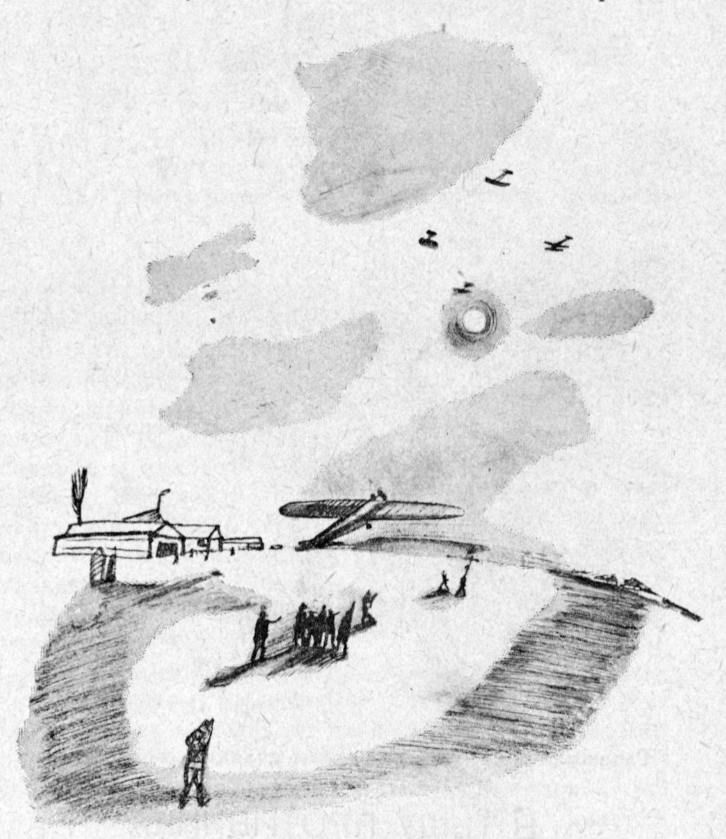
В тот же день, очевидно, обрадованные успехом, поляки отправили самолет и в наше расположение. Этот самолет еще издали заметил находившийся в засаде летчик Ширинкин. Ширинкин, в сопровождении Петрова и Кузина, немедленно поднялся и пошел навстречу поляку. На своем 220-сильном „Спаде" Ширинкин подошел к противнику первым. Подойдя на 30 метров под хвост к противнику, Ширинкин выпустил в него подряд три пулеметных очереди, ни на мгновение не спуская его с прицела. Через секунду на самолете показались огоньки, которые моментально разрослись, захватывая летчика и наблюдателя. Последний, спасаясь от самосожжения, выпрыгнул с высоты 2000 метров. Польский аппарат превратился в сплошной факел и, опрокинувшись колесами вверх, ринулся на землю. Проследив за падением, Ширинкин спустился рядом с его обломками и нашел тут же зарывшийся в землю обгорелый труп летчика. Тело наблюдателя было найдено на расстоянии целого километра от места падения самолета.

Похоронены польские летчики были с воинскими почестями. При опускания их тел в землю был дан салют, а летчик-победитель выписывал над могилой мертвые петли...

Девятого мая, к вечеру, с трудом уместив в тесной кабине истребителя бомбу в д сять кило, красный военный летчик Сапожников сделал налет на польский аэродром. Подлетев к аэродрому на высоте 1000 метров, Сапожков беспечно снизился до 700 метров и спустил на головы полякам свой „гостинец". Бомба разорвалась около самих ангаров. Проследив за эффектом взрыва, красный истребитель начал петлить на головами ошеломленных шляхтичей и, после полутора десятка фигур, накинулся на висевший над Рогачевским шоссе польский привязной аэростат. Пять раз самолет Сапожникова крутым падением наскакивал на „колбасу", осыпая ее пулями. К сожалению, у него не было зажигательных пуль и аэростат не был уничтожен, а только принужден был „смотаться" вниз. Преследуя аэростат все ниже и ниже, Сапожников наконец сам получил с земли пробоину в левое крыло. Задав полякам основательную встряску, Сапожников уже в темноте вернулся на свой аэродром.

Десятого мая, в ответ на бомбометание и фигуряние Сапожникова, польские герои решили уничтожить красный аэродром в Салтановке. Нагруженные четырнадцатью бомбами, на трех прекрасных немецких самолетах „Эльфауге" поляки двинулись на наше расположение. Однако их во-время заметили красные летчики. Три красных истребителя немедленно поднялись в воздух и встретили противника в полукилометре от аэродрома. При первой же их атаке, поляки выбросили все свои бомбы в лес. Ни одна из них даже не разорвалась.

Неравенство сил сказалось очень быстро: на одном из наших истребителей сразу же заел пулемет, другой был вооружен всего лишь сорока патронами, и только Сапожников мог вести бой по настоящему. Положение было не из завидных, но тем не менее, неприятельские самолеты сразу повернули обратно. Догнав ближайшего наприятеля Сапожников открыл по нему огонь. „Эльфауге" удирал с сильным снижением, очевидно, желая заманить красного истребителя под перекрестный огонь двух других самолетов, но за хвостом Сапожникова красиво

Четыре польских самолета показались над нашим аэродромом.

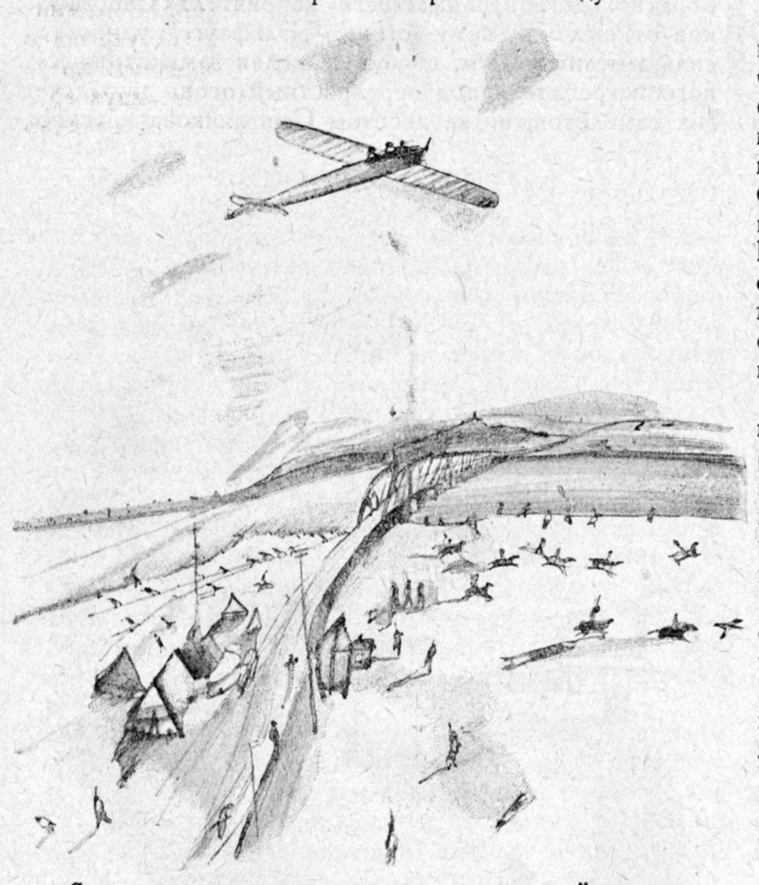
вились в воздухе два наших истребителя с молчащими пулеметами, и поляки не решались с ними связываться. Затем один из наших истребителей, обогнав поляка, начал петлить перед самым его носом, не позволяя ему итти в свое расположение по прямой линии. Наконец, у польской машины был пробит бензинопровод, мотор остановился и она принуждена была сесть на лес в полутора километрах от станции Жлобин, в нашем расположении. Летчик и наблюдатель были немедленно взяты в плен подоспевшими нашими мотористами, кожаные куртки

[1] Благодаря тому, что на истребителе пулеметы установлены неподвижно, целиться приходится самим самолетом. Для облегчения прицела стали применять пули, оставляющие за собой дымовой след, по которому летчик ясно видит, куда попадают его выстрелы.

которых произвели на поляков потрясающее впечатление, так как они решили, что пойманы агентами ВЧК. Оба поляка оказались вдребезги пьяными.

За этот бой летчик Сапожников был награжден орденом Красного Знамени, а через день уже опять столкнулся в воздушной схватке с сильнейшим противником.

Не успел он повернуть домой, после того как сбросил две бомбы на Бобруйский аэродром, как его атаковал мощный „Альбатрос Д. III“. Счастье Сапожникова, что он во-время заметил неприятеля и успел увернуться от опасности. Однако, неприятель наседал, а у Сапожникова даже не был заряжен пулемет. Тогда Сапожников бросил рули и, предоставив самолет на волю свободного падения, занялся зарядкой пулемета. Покончив с этим делом, он проявил такую ловкость в маневрировании, что скоро оказался в хвосте „Альбатроса“ и принудил его к постыдному бегству. Только недостаток бензина не позволил герою завершить победу.

Сапожников спустил на головы полякам свой гостинец.

В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА

Весной 1920 г. отряд, в котором работал красный военный летчик Михаил Дмитриевич Ермолаев, находился на польском фронте. Шла маневренная война, с обычной для нее запутанностью положения, неизвестностью того, что делается в ближайших же окрестностях и при крайней нехватке лучшего в подобных случаях средства связи—самолетов.

Известно было только то, что поляки производят усиленные переброски войск по железной дороге и что подготовляя наступление, они концентрируют в ближайших районах значительные воздушные силы.

Нужно было помешать полякам производить эти приготовления, и вот, 16 мая, летчику Ермолаеву дается предписание произвести возможно более глубокую разведку и бомбометание территории противника.

Задание было из трудных. В отряде был только один работоспособный двухместный самолет „Сопвич“, наблюдатель лежал в тифу и, вдобавок, барометр, что называется, „валился“, предвещая дурную погоду.

Взяв направление по железнодорожной линии Полоцк-Молодечно, летчики вскоре же увидели польский аэродром и железнодорожный мост. Вниз полетели бомбы, и через просветы в облаках показались вспышки удачных попаданий.

Погода, однако, все ухудшалась... Через два с половиной часа условия полета сделались настолько тяжелыми, что решено было возвращаться домой. Но едва лишь летчик повернул самолет обратно, как гнавшаяся за ним грозовая туча сразу накатилась и окутала небо и землю со всех сторон.

Летчик решил вырваться из тучи вверх... Качающийся аппарат поднимает нос кверху, дрожит и хрипит, устремляясь куда-то в неизвестное... Две, три, четыре тысячи метров, а кругом только жуткий клубящийся дым сплошных туч и тот же грохот грома и вспышки молний, во время которых кругом становилось светло... вернее не светло, а бело, как будто самолет несся в молоке... Четыре с половиной тысячи метров и—ни малейшего просветления. Нет... Вверх не выйти! Убавляется газ мотора, нос самолета опускается вниз. Самолет устремляется вглубь облачной пучины... Вот уже только пятьдесят метров от земли... тридцать метров, и... земли все не видно! Сплошной клубящийся черный ад...

Летчик не знает как поступить... на тридцать метров от земли часто поднимаются высокие деревья... В этакой мгле и не заметишь, как налетишь на дерево, а тогда и косточек не соберешь... В этот момент с новой силой начинается ливень, Вода прорезывает тучи сплошными линиями. И — выход найден!

По отклонению этих линий наконец-то можно определить направление ветра... Грозовые тучи никогда не бывают очень большими и проходят скоро... Надо лететь против ветра — только так и можно надеяться вырваться из этой мглы! А куда в результате этого занесет; где придется спускаться? Все равно—другого выхода нет!..

Самолет помчался навстречу ливню, и ожидания сбылись. Дождь становится все слабее. Облака светлеют. Вот уже в прорывы между облаками начинает местами виднеться земля. Но—„где мы летим?“—точно молотом стучит вопрос в головах летчиков... „Где чужой запад, где свой восток?“—все перемешалось... ориентировка потеряна безнадежно...

Между тем, силы пилота иссякли от долгой борьбы со стихией... Если не спуститься сейчас же, через несколько минут, то руки сами отпустят рычаги управления... Самолет мчится вниз в поисках хоть маленькой лужайки, и вдруг под его крыльями мелькают строения какой то деревушки... Быстрый поворот и круг над деревушкой, над самыми крышами... Сесть некуда! Но вот за последними хатами мелькает клочок огорода и опять начинается лес... Все равно... Хоть в огород! Еще круг—и самолет, с выключенным мотором, проносится над самой крышей какого-то сарая и начинает скакать по грядкам... Вот, наконец, он останавливается, на мгновение как

бы задумывается—не клюнуть ли ему носом в размокшую землю, и затем неподвижно застывает перед плетнем... совершенно целый!

К самолету уже бегут крестьяне. От них летчики узнают, что находятся в польском расположении, а красные части находятся километрах в десяти...

Десять километров для самолета пустяк, но взлететь немедленно—нет возможности. На импровизированном „заседании" решается, что военком попытается добраться пешком до наших частей, а летчик останется охранять самолет и ждать подмоги.

Тов. Давид скрывается в лесу.

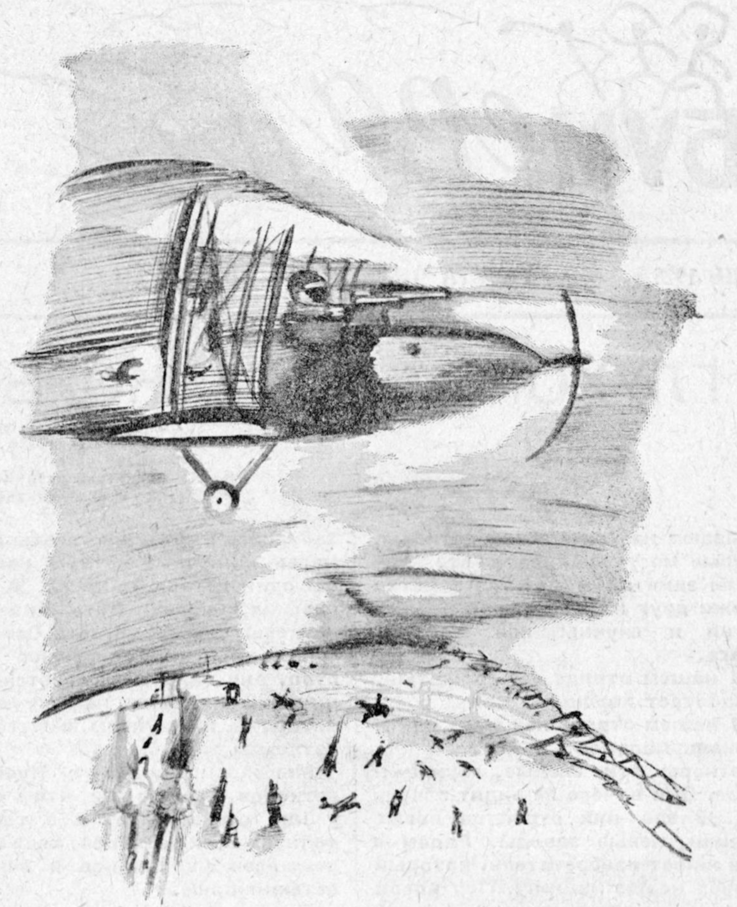
На следующее утро тов. Давид появляется вновь, но в сопровождении всего лишь одного красноармейца... Он объясняет, что долго проплутал и поэтому не стал дожидаться значительного отряда, а заручился только обещанием подкрепления. Подкрепления, однако, нет и нет.

Между тем, дождь начал ослабевать. Силы летчика также восстановились, и решено было попытаться вылететь. Летчики решили осмотреть свой „картофельный аэродром", чтобы оттащить самолет в наиболее удобное для взлета место. Но едва сделали они несколько шагов, как в лесу вдруг раздался выстрел, за ним другой... Шагах в двухстах на опушке леса показались польские солдаты... Военком кинулся в кабинку и открыл огонь из пулемета... Подействовало! Поляки спрятались, но продолжают стрелять из-за прикрытия деревьев...

Между тем, летчик с красноармейцем силятся запустить мотор. Он упрямо не хочет работать, требуя обычной порции бензина под клапаны. А чем впустить эту порцию, когда во время „болтанки" в тучах шприц куда-то вывалился?

В ход пускается носовой платок. Летчик подставляет его под кран от бензинового бака, смачивает его и выжимает из головки цилиндров. С невероятным трудом два цилиндра (из девяти) удается залить, а в этот момент поляки предпринимают атаку... Военком, сидя в кабине, спешно расстреливает в неприятеля последние патроны. На мгновение поляки опять отброшены к опушке, но сейчас принужден будет замолчать и пулемет... В отчаянии летчик дергает пропеллер, мотор „кашляет"... и дает вспышку, раз... два... и начинает работать.. Летчик прыгает в кабину. Красноармеец кидается за ним, но видит, что садиться уже некуда, тогда он поворачивается и скрывается в деревне... Мотор ставится на полный газ, и самолет начинает бежать вдоль по грядкам. Маленькая непредвиденная неровность—и будет авария... Слышно, как пули поляков стучат по самолету, им вторит пулемет в руках военкома. Ветер дует в хвост, а нормально нужно разбегаться против ветра. Самолет от этого долго не хочет отрываться от земли, да и колеса его вязнут в липкой жиже между грядками картофеля. Близко уже и опушка... Но вот, наконец, машина в воздухе... Последнее усилие летчика, и она преодолевает деревья на опушке леса и скрывается за ними от обстрела.

Мотор работает хорошо, но тов. Давид—не специалист-наблюдатель и не может точно указать направления к своим частям. Приходится взять направление наугад—вдоль какой-то дороги; непрерывные облака скрывали и эту дорогу, так что нельзя было подняться выше трехсот, а в некоторых местах даже ста метров. Вот на дороге показались какие-то войска и стали обстреливать самолет. Пришлось нырнуть в облако. Выйдя через некоторое время из облака, летчики увидели перекресток дорог и стали окончательно втупик. Как определить дальнейшее направление. По расчету времени здесь, однако, должно было быть уже наше расположение, и летчик Ермолаев повел самолет на снижение. В этот момент в тумане мелькнули вспышки и самолет был обстрелян, на этот раз, уже артиллерией... Пришлось снова спрятаться.

Опять стали обстреливать самолет.

Потом, в прорыв облаков, была замечена стоянка какого-то воздухоплавательного отряда, но там не оказалось подходящего места для спуска, а затем на дороге опять показались войска и опять стали обстреливать самолет.

Летчик Ермолаев давно уже начал экономить в полете бензин, выдерживая самолет на сбавленных оборотах мотора, но вскоре после последнего обстрела нехватка его начала давать себя чувствовать. Мотор начал „чихать", давать перебои и самолет неудержимо потянуло к земле... Садиться пришлось наобум, на берегу какого-то озера.

Уже темнело, и летчики ничего не видели перед собой, когда их самолет беззвучно, с остановившимся мотором, коснулся земли. Внезапно перед самолетом выросли фигуры вооруженных всадников.

Выяснилось, что это—наши передовые части, только что очистившие от поляков берега озера Лепель. Увидя низко летящий самолет и не заметив из-за тумана красных звезд, нарисованных на его крыльях целый полк приготовился расстрелять эту близкую и удобную мишень. Быстрый спуск самолета предотвратил летчиков от опасности погибнуть от собственных советских пуль. Ордена Красного Знамени вознаградили их за перенесенное.

ИЮНЬ 1929 г. ГАЗЕТА ЧИТАТЕЛЕЙ „ПИОНЕРА“ № 12

ГЛУХОНЕМЫЕ ДЕТКОРЫ

Одинаково стригутся,
Одинаково смеются,
Ни малейшей разницы.
Одним словом—близнецы.

Бывают на свете такие деткоры, которые могут написать сто или двести заметок и все эти заметки похожи друг на друга, как родные братья и скучны, как жеваная бумага.

«В нашем отряде есть вожатый, он работает хорошо», или

«В нашем отряде нет вожатого—это ненормально».

Деткоры эти слепые, глухие и немые. Они ничего не видят вокруг себя. Около них строятся новые фабрики, новые заводы. Рядом с ними живет изобретатель, который изобрел новую машину. Под носом у них город из-под земли вырастает, а они ничего не заметят, а если и заметят, то не напишут.

В Чусовских городках на Урале забурлила нефть, все газеты и журналы пишут о нефти, а нам хоть бы один деткор написал. А в Чусовских городках есть пионеры и деткоры, наверняка, есть. Советская страна получила огромное богатство, оно накормит советские машины и поможет нам лучше бороться за коммунизм, а Чусовским деткорам хоть бы хны.

Мы ждем писем от Чусовских деткоров, но не о том, что в отряде у них стенагазета, а о том, что волнует всех деткоров, всех пионеров, всех школьников и весь Советский Союз.

Деткоры, шире раскройте глаза, пишите об отряде, о школе, но не забывайте того, чем живет ваш город и вся Советская страна.

ДО СЛЕДУЮЩЕГО ГОДА
ДЕСЯТЬ ДЕЛОВЫХ МЕСЯЦЕВ

СЕНТЯБРЬ
ЧИСТОТА И ПОРЯДОК

Первый раз со времени появления земного шара звенья начали делать плевательницы, мусорные ящики и соблюдать чистоту.

Школы не узнать—ее изменил товарищ Культпоход.

г. Йошкар-Ола. Школа-семилетка.
Д. ВИНОГРАДОР

ОКТЯБРЬ
НОВЫЕ УЧИТЕЛЯ

50 школьников нашей школы стали учителями. Мы получили бумагу, буквари, учим грамоте своих отцов и матерей. Только жаль, что у наших учеников есть бороды и усы, а у нас нет. Лучше было бы наоборот—тогда мы были бы гораздо солиднее.

Александров-Гай. Ш. К. М.
ЕГОРОВ

ВОТ ЭТО ШКОЛКООП

У нас не кооператив, а что-то удивительное! И чего-чего только в нем нет!! Слонов, правда, нет, но зато есть учебники, нужные нам, библиотечка русских и украинских писателей, кооперативный кружок, газеты, журналы.

Кооператив у нас даже ходить умеет—сходил в соседние сельские школы и организовал там тоже школкоопы.

На бедняцких ребят денег никто не давал— а наш школкооп дал и на 2-й госзайм на 25 рублей подписался.

Пос. Краснопавловка.
В. ГРАНЧЕНКО

НОЯБРЬ
ОКТЯБРЬСКАЯ РАКЕТА

Вечером 6-го ноября, по улицам тянулось факельное шествие. На Первомайской площади пускали ракеты—они, разбрасывая разноцветные огни, высоко взвивались и там лопались, рассыпая снопы звезд.

Высоко задрав голову, я следил за ракетами. Мне очень хотелось ухватиться за одну из них и тоже полететь вверх. Заглядевшись вверх, я не заметил, что делается под моими ногами, и полетел в лужу.

На другой день на площади был парад и митинг. В воздухе кружились снежинки. Их было много, но народу на площади было еще больше, так что снегу мы не замечали.

г. Павлоград. Школа. КОЛЯ ИВАНОВ

НОВАЯ ГОРА

Целую гору металлического лома натаскали мы со своих дворов в школу. Гора была такая высокая, что к нам приехали туристы, полезли на нее и заблудились. Мы их искали два дня и насилу нашли между обломком рельсы и старым чугуном. Туристы оказались котенком Васькой и щенком Трезоркой. За два дня они сильно отощали.

Для того, чтобы таких случаев не повторялось, мы решили поскорей свести эту гору в Рудметаллторг.

г. Боровичи. ЖЕНЯ КЕНТИ

ДЕКАБРЬ
ТЯНЕМ, ПОТЯНЕМ И ВЫТЯНЕМ

Сильные ученики просматривают тетрадки у отстающих и объясняют им то, чего они не поняли. Это нам, сильным ученикам, очень нравится. Я даже кое-кому советовал очки купить (для вида).

Жаль только, что отстающих делается все меньше и меньше, и скоро нам делать будет нечего.

Сл. Б. Халань. Ф. ГЛАДЫКИН

ТЕСНО

Кабинетов у нас в школе очень много, а комнат мало. Если, например, нужно заниматься рисованием, то ищешь, ищешь кабинет по рисованию, а такого кабинета-то и нету.

Говорят, что художники жили раньше на чердаках—так вот и я предлагаю устроить у нас на чердаке кабинет по рисованию.

А пока рисованием занимаемся в химическом кабинете, где пахнет очень нехорошо, потому что не успевают проветривать.

г. Кзыл-Орда. ВАЛЯ КИРКО

ЯНВАРЬ
МЫ ХОРОШИЕ МАМАШИ

Если бы мы ничего не делали перед перевыборами совета, то на собрание не явился бы 91% всех избирателей. Но мы ребята хитрые: писали повестки и разносили их избирателям, рисовали плакаты, устроили два спектакля, а в день перевыборов отпустили всех женщин на собрание, а сами остались у них дома сидеть с маленькими ребятами.

Лизе из 4-й группы это дело так понравилось, что, когда все вернулись с собранья, она не захотела уходить от тех ребят, которых она забавляла.

С. Ив. Шуйское. Школа. А. МАРКИЧЕВ

ФЕВРАЛЬ
СКОЛЬКО БУМАГИ

Стали мы собирать старую бумагу. Особенно старались младшие группы. Собирали мы, собирали и решили узнать, сколько собрали. Для этого положили мы эту бумагу на весы и давай вешать. Видим, 100 килограммов. Только хотели записывать, вдруг вбегает Мишка—тащит еще охапку. Стало больше. Ну, мы опять вешать—вдруг бежит Федька с бумагой, а за ним еще ребята. Так мы и не узнали, сколько бумаги.

Стали мы думать, что нам делать с бумагой, и решили—деньги, которые мы за нее получим, отдать на детские дома.

Ст. Харцызск. Ж.-д. школа. В. ОВЧАРОВ

МАРТ
КРАСИВЫЕ МАРКИ

Школкооп продает очень красивые марки. Мы их покупаем, а когда собирается много—несем в сберкассу. Потому что эти марки не простые, а сберегательные.

И собрали мы за одну неделю 39 р. 59 к. и еще соберем, потому что двухнедельник сбережений научил нас быть бережливыми.

Г. Смела. 3-я Трудшкола. БАРМАШ И БУРТАКОВ

АПРЕЛЬ
ЮБИЛЕЙ «ПИОНЕРА»

Стенгазета «Юбилейный Бумеранг» висела на утреннике, посвященном пятилетию «Пионера». Школа пестрела флажками и лозунгами.

Было много приветствий. Драмкружок показал пьесу «Вулка».

Дед Раешник и Кузька тоже приветствовали собравшихся. Потом мы пели, играли в разные игры, декламировали, плясали.

А когда утренник кончился, то «Пионер» нам так понравился, что мы решили коллективно подписаться на него.

Сл. Ямская. Совет вожатых школы подростков.

МАЙ
ЗА УРОЖАЙ

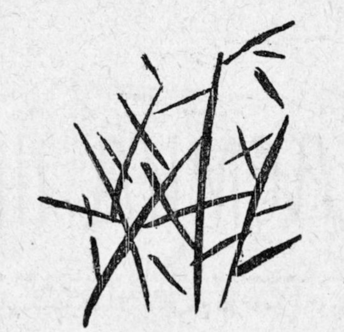
При Бело - Глинской школе II ст. создан агро-отряд, в который записались все пионеры.

Отряд ведет такую работу: ведет агитацию за поднятие урожайности, при Доме Крестьянина установлено дежурство, дежурный разъясняет крестьянам сельскохозяйственные вопросы. Выпускается агитгазета, освещающая вопросы весенней посевной кампании. В газету пишут и крестьяне.

Отряд организовал в Доме Крестьянина и в других местах около 30 докладов.

Крестьяне очень интересуются этим отрядом. Многие крестьяне сеют хлеб так, как советует им агро-отряд.

С. Белая Глина. Деткор ПЕТЯ КВИТКО

УТРО

Зари багрянец узкой полосой
Лежал еще на темном своде,
И ветер будто бы зубастою косой
Срезал полынь в заросшем огороде.
Дышало утро негой и прохладой,
В лугах звучала жаворонка трель,
И где-то к выгону сзывала стадо
Горластая пастушечья свирель.

Туман бродил над спящею рекою,
Ходил на кладбище осматривать кресты,
И кто-то в ночь крупчатою мукою
Осыпал нежные черемухи кусты.
Трава умылась каплями росы,
Проснулся пахарь—ладит плуг.
Давно доносится уж звон косы,
Еще с тех пор как прокричал петух.

Затараторили телеги на шоссе.
Все постепенно стало просыпаться,
И скоро солнце золотом лучей
С небес приветливо нам будет улыбаться.

г. Москва. Деткор И. Крантиков

Дело это было в тайге Томских березовых лесов. Однажды я и мой брат ходили на берег реки Баксы. Придя на берег, мы стали любоваться, как в воде играет рыба. Ввиду того, что вдоль берега тянулось болото, то кругом было множество кочек.

Я вскочил на одну из кочек и, ничего не подозревая, стоял на ней. Вдруг мой брат закричал неистовым голосом и побежал на крутик берега. Увидев это, я тоже кинулся за ним и скоро был наверху.

Только там мне брат показал что-то пестрое, двигающееся к воде. Это была ядовитая змея. Когда я стоял на кочке, то оказалось, что змея выползла из-под этой кочки и направилась ко мне, в это время, услышав крик брата, я соскочил с кочки и убежал. Потом, когда мы уже осмелели и спустились книзу, то змея сидела среди воды на листке лопуха и, разинув рот, махала язычком. Мы камнями согнали ее на берег и убили ее.

Черно-Курынск. Деткор В. ХЛЫНОВ

АПЛОДИСМЕНТЫ

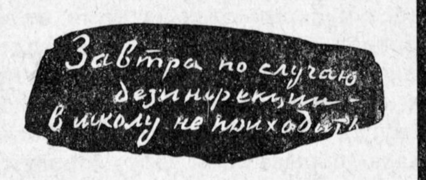
Шутка деткора П. ЖИЗНЕВА

В группе густым туманом стоял шум. Кто-то с кем-то ссорился, кто-то занимался спортом, прыгая с парты на парту, кто-то что-то кричал, кто-то писал что-то на доске. Но вдруг все стихло. К кафедре подошел ученик и, взмахнув какой-то тетрадкой, громко крикнул:

—Сейчас я прочту новый номер нашего журнала!

Ученик читал недолго и его не прерывали. Кончив, ученик гордо сел на место. Группа бешено зааплодировала.

Читатель подумает, что группа радовалась выпуску своего журнала, аплодировала чтецу и содержанию журнала. Но это не так. Группа аплодировала надписи на доске, которую стало видно, когда чтец сел на парту. Вот эта надпись:

г. Харьков. Деткор П. ЖИЗНЕВ

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Всем!
Всем!
Всем!

Кто хочет прыгать через веревочку, нужно знать, как ее сделать:

— Нужно сшить два маленьких мешочка, насыпать в них песку, завязать и привязать к ним длинную веревочку. Затем надо взять два шеста высотой метра по два и набить в них на расстоянии 1 см. мелких гвоздиков. Затем воткнуть эти шесты в землю, повесить веревочку и прыгать. Расстояние от земли до нижнего гвоздика должно равняться 50 см.

НАХОДКА!!!

Я, пионер Винтиков, нашел в Москве, на Тверской улице, д.№ 26, Дом юношеской и детской книги. В этом доме продаются книги для пионеров и школьников по науке и технике. Там же есть много других книг и журналов для чтения.

Так как находка эта очень ценная, то мне не жалко—заходите туда все и покупайте всякие книжки. Кто живет за городом — может обратиться через почту.

Винтиков

Все об'явления, которые будут так же полезны для читателей, как два напечатанных выше, редакция будет печатать совершенно бесплатно.

ДЕМИД ШАПКИН

(современная история)

А. Кожевников

П. М.

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе. Завхозиха привозит Деме 10 руб. и Верочку. Дема предполагает, что деньги от матери и не хочет брать, но Верочка и Лиза заставляют его. Верочку помещает в семилетку, а на квартиру—к трубочисту Банкину. Игрушечная школа на общем собрании объявляет поход за железным ломом.

„КРАСНЫЙ ИГРУШЕЧНИК"

Гудкова выбрали редактором стенгазеты „Красный игрушечник"

„Красный игрушечник" выходил много лет, но еще ни разу не расцветал. Появление каждого нового номера сопровождалось большим трудом и хлопотами. Сначала комсомольская ячейка и учком выносили постановление: „*В срочном порядке выпустить стенгазету*", затем начиналась беготня редактора по интернату и школе в поисках статей и заметок.

Редактор ловил всякого и просил:

— Напиши передовицу, дай заметку о своем цехе, составь бытовые частушки. Я надеюсь.

Надежды редактора обыкновенно проваливались, он оставался без передовой, без заметок и частушек, тогда садился сам за писание и усаживал всю редколлегию.

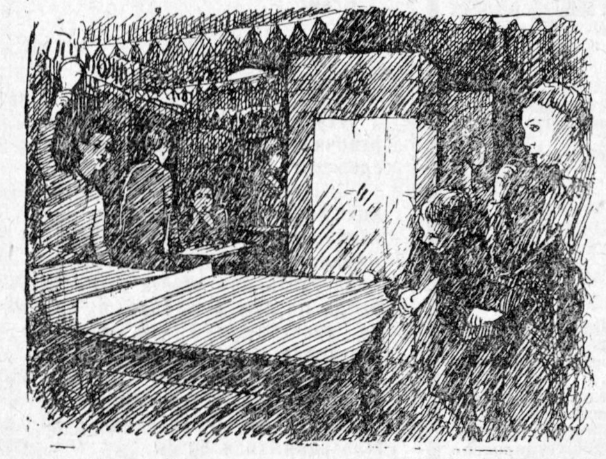
Редакторы „Красного игрушечника" менялись чуть ли не с каждым номером. Неудачливая газетка никак не могла дождаться удачливого и умелого руководителя.

Гудкова не пришлось убеждать, он с радостью согласился быть редактором.

Вечер. Ученики доигрывают последние партии в шахматы и пинг-понг. Узин дал сигнал укладываться. Гудков сидит в редакционной комнате с фанерными стенками, и прищуренными глазами рассматривает старые номера „Красного игрушечника".

Первый номер за 1928 г. выпущен к Ленинским дням, второй—к майскому празднику.

— За год два номера,—ворчит Гудков.—За лето ни одной строки. Октябрьская прошла, а на октябрьский номер собрана только половина заметок. Газетчики,—им бы лапти плести.

Вечер. Ученики доигрывают партии в пинг-понг.

Недоволен редактор и материалом. Он видит только юбилейные статьи, а не находит быта, школьной жизни, положения в цехах, досуга.

— По газете выходит, что всего навсего справляем юбилеи, а прочее время спим.—Гудков кидает листы газеты в угол, берет лист бумаги и начинает составлять план работы:

1. Подобрать новую редколлегию—Ермаков? Демка?

Гудков сомневается, подойдут ли в коллегию Ермаков и Дема.

2. Группу учкоров—Пузырь! Лисица—его, дьявола, сперва надо протащить за длинный язык.

3. Взять под наблюдение интернатских и приходящих. Андронов с девчонками разводит шашни. Разоблачить.

4. Выяснить влияние мастеров и художников на ребят.

5. С культпоходом успокоились—собрали четыре воза лому и думают:— „Ладно". Поднять энергию!

6. Лизка по целым ночам читает какую-то дребедень—хорошая девчонка, протаскивать жалко, а придется.

Гудков со страстью принялся создавать газету. Все свободное время он проводил в редакционной комнате, скрипел пером клеил, допрашивал Пузыря, писал записки в учком, в комиссии и требовал отчеты для напечатанья.

В интернате он только спал, в обычное время заходил редко, как посторонний. Зайдет, осмотрит комнаты, прислушается к разговорам и уйдет. Если наскочит на веселье: песни, игры, поглядит со стороны, но. как ни уговаривай, сам веселиться не станет.

Первый номер поднял большой шум.

Гудков всегда жил вдали от товарищей, не любил разговоров, игр, не ввязывался в шалости, но, сделавшись редактором, он отъединился еще сильней.

Первый номер „Красного игрушечника", выпущенный Гудковым, поднял большой шум. Там была статья о культпоходе, где прямо говорилось:

„Культпоход проведен слабо. Железный лом собран не весь и попрежнему гниет на дворах. Надо снова начать сбор.

Соколова Лиза набрала для себя десяток книжек и успокоилась, теперь лежит на кровати и почитывает.

Жизнь в интернате не улучшилась, попрежнему грязь, неубранные кровати, окурки и плевки на пол. А где политико-просветительная пропаганда среди кустарей? Где драматическая работа? Дисциплина в мастерских повысилась на один воробьиный нос. Мы стоим перед антирождественской кампанией, придет она, и прощай культпоход. Этого быть не должно!".

За ней шла заметка:

„Веселая контрреволюция".

— Иди в лепную: выгодней, хлеба скоро не будет, клейстер будем лопать,—говорит Лисица, и вся мастерская, где есть комсомольцы и пионеры хохочет.

Увидит Лисица общественного работника:

— В начальники полез, в судьи. За тобой не угонишься, у тебя комсомольский билет, поднимет он тебя, вроде аэропланчика, и прямо в Москву. Кругом хохот.

Для Лисицы все общественные работники—начальники; комсомольцы—карьеристы, комсомольское звание—крылышки. Он зубоскалит об этом на каждом шагу, а мы хохочем, не понимая, что Лисица разводит веселую, но самую настоящую контрреволюцию".

Газета проглатывалась, как интернатский обед после четырех часов работы, без остатка; задетые волновались и кричали:

— Врет! неправильно! Обсудить на общем собрании! Лисица, прочитав „Веселую контрреволюцию", собрал весь свой яд и обозвал Гудкова трепачом, безмозглой Федорой и провокатором.

Не обошлось без общего собрания. Много трудился Ермаков, чтобы сдержать склоку, самую отчаянную перепалку, из собранья сделать серьезный разбор дела, а не дикую ссору.

Статья о культпоходе разбиралась по разделам.

— Железный лом!—выкрикнул Ермаков.

Дема рассказал, как ему дали одну подводу, а на другой день отказали совершенно.

— Гудков знал это. Ну, тогда возил бы заместо лошади, чем писать.

И Дему оправдали.

— Сбор книг! —голос Ермакова.

Лиза развертывает бумажку и читает:

„*Справка.*

Соколовой Лизой собрано 76 вполне пригодных для чтения книг, которые и занесены в инвентарь Центральной библиотеки". Заведующий.

В зале шум. Гудков немножко бледнеет. Лиза поворачивается к нему и говорит:

— Откуда ты взял десять книг, во сне увидел?! Тебя надо выгнать из редакторов, что врешь ты. Возьми и в следующем номере напечатай!—Лиза сунула Гудкову справку, он покорно взял ее.

Во всем остальном собрание признало статью верной и решило усилить культпоход. „Веселую контрреволюцию“ передали на рассмотрение в особую, выбранную тут же, комиссию.

Первого декабря вышел второй номер „Игрушечника“ с передовой статьей об антирождественской кампании, с отчетами органов самоуправления. В номере была справка, данная Лизе центральной библиотекой, и постановление особой комиссии:

Заметку „Веселая контрреволюция“ признаем неверной. В поведении Лисицы никакой контрреволюции нет, всего-навсего один веселый характер и привычка посмеяться.

Но и этот номер не обошелся без скандальной заметки. В хронике школьной жизни мелким шрифтом под номером первым говорилось.

Не дождешься,—ответила Лиза

«Соколова Лиза почти каждый день делает прогулки на Заштатную улицу к Лужову. Лужов вырезает крестики и распятия. По дороге пионерка Лиза сворачивает в Лавру, ходит там среди могил попов и монахов, присаживается на могильные плиты и мечтает. Думаем, что мечты у Соколовой самые распионерские: место располагает».

Лизу вызвал Андронов объясниться по заметке.

— Правильно написано?—спросил он.

— Гудкову мерещится.

— Напиши опровержение.

— Не стану, пусть кляузничает. К Лужову я хожу за лыжами и чаще не одна, а с Демкой.

— В Лавру зачем ходишь?

— Зачем—зачем, гулять, все ходят.

— Воевать за тебя с Гудковым я не стану.

— Не воюй, не надо.

Прошло много дней, у Гудкова был готов третий номер, в нем оставлено место для опровержения от Лизы, но опровержения не поступало.

Гудков поймал Лизу в кабинете Егора Сидорыча за историей русского крестьянского искусства, ткнул в бок и сказал:

— Я жду опровержение.

— Не дождешься,—ответила Лиза.—Да прождешь до смерти.

— Тогда мы будем знать, что заметка верна,—и Гудков на свободном месте написал:

„Заметка про Соколову подтвердилась—опровержения не поступало“. Пузырь застал Лизу перед газетой и хихикнул:

— Вот как, не ходи, куда не следует.

— Ты почему знаешь, хожу ли я?

— Пишут, и сам видел.

— И наговорил Гудкову, да? Ну, сознавайся. Ты наврал, что на могилы я сажусь и бываю у Лужова каждый день.

— Я, ведь, немножко прибавил.

— Ну, ну, учись больше прибавлять.

Пузырь по своей вороватости никак не мог удержаться от лжи. Он часто давал заведомо неверные сообщения о товарищах, и против него накопилась у многих неприязнь. Ждали собрания, чтобы осадить ретивого Пузыря.

Дема ходил из угла в угол по кабинету математики и заучивал стихотворение для антирождественского вечера. Он не нашел декламатора и вырвал из календаря пасхальный листок со стишком на обороте.

— Хоть и не рождественское, а все едино про попов, сойдет,—утешался Дема и под звон колоколов громко выкрикивал:

Колокола ревут отчаянно:
„Христос воскресе! Христос воскрес“!
Но спит рабочая окраина
Она отвыкла от чудес.

В дверь постучали, но Дема не расслышал стука и продолжал читать:

„Она столетиями слушала
Попову радость в этот день,
А „добрый бог“ сильней придушивал,
И не было конца нужде.
Так было, но не будет далее,
Так было, но теперь не то.

— Демка, открой дверь!—и кто-то застучал в дверь каблуком.

„Звони, попы, сильней наяривай,
А в церковь не идет никто.

Дема распахнул дверь, к нему ворвалась Первый токарь, красная и злая.

— Разорался, полчаса стучу. Иди в интернат, к тебе приехали.

— Кто?

— Какая-то старушонка. Сегодня, Демочка, у нас будут танцы, разрешили. Ты будешь танцовать со мной?

Дема ничего не ответил и побежал в интернат. Первый токарь обиделась и тихонько поплелась следом за ним.

Дему дожидалась завхозиха, она привезла ему двадцать пять рублей. Дема, заучив стишок, побежал на Крестьянскую.

Вся семья Всеволоса, кроме его самого, Верочка и Завхозиха сидели за ужином. Для сиденья Панкин младший приспособил доску, одним концом положив ее на табурет, другим на ящик.

Дема оглядел румяные довольные лица и спросил:

— Давно ли пришли, где были?

— У всенощной.

— И она?—показал на Верочку.

Верочка подскочила к брату и затараторила:

— Я молилась, чтобы поскорей вернулась наша мама. Мы все молились об этом.

— Ты вечно тараторишь: „мама, мама“, мне надоело слушать! Больше при мне ни слова!

Дема отошел к окну, побарабанил пальцами в стекло, прошел в Верочкин угол, снял семейную фотографию и начал перегибать.

— Ты чего делаешь, не тронь!—выкрикнула сестренка.

— Ничего.—Дема перегнул фотографию и разорвал по сгибу.—Получай—отдал одну половину, другую искрошил в лепестки и сунул в карман.

— Где же мама?—спросила Верочка, взглянув на фотографию.—Ты разорвал маму?

— У нас нет мамы.

Тут Верочка дошла до исступления, зубами схватилась за карточку и выгрызла лицо Демы.

— Ты не хочешь маму, а я не хочу тебя.

Брат вышел, и разорванную „мать“ бросил на дорогу, по которой гуськом возвращались от всенощной немощные старушонки, закутанные в черное монашки и нищие с сумками.

Дема запоздал на вечер. Лиза пришла еще поздней. Она, не садясь, с порога оглядела зал, нашла Дему и поманила глазами. Они вышли на лестницу.

— Пойдем к Верочке,—сказала Лиза.

— Не пойду, я поругался с ней,—уперся Дема.

— Все знаю, пойдем. Не пойдешь, я поругаюсь с тобой.

— Поругаюсь с кем угодно, а не пойду. Не приставай ко мне!—Дема вернулся в зал, весь вечер играл с Первым токарем, танцовал и в интернат пришел последним.

Для него началось время злобной радости. Он беспрестанно думал. „Они (Лизка и Верка) думают, что я приду к ним. Не дождутся. Я и без них проживу, без всех. Я ни к кому не пойду жаловаться“.

Дема не заходил к Лизе, она не заходила к нему, не появлялась и Верочка. Свободное время Дема просиживал в читальне с газетами и журналами. Андронов заметил это усердие и на очередном учкоме выдвинул Дему в заведующие читальней, а Первого токаря, которая исполняла эту работу по совместительству с другими, предложил освободить.

В первый раз после антирождественского вечера Дема повстречал Лизу в школе. Она прошла мимо него с горшком краски, чуть-чуть поклонилась и ничего не сказала, даже „здравствуй“. Дему не обидела эта сухость, он поклонился тоже молча и сдержанно.

Во второй раз они повстречались на улице. Лиза шла с Верочкой, они заметили Дему и доброжелательно заулыбались. Он поклонился и прошел мимо, но, пройдя шагов тридцать, круто повернулся и закричал:

— Лиза, Верочка, подождите!

Девочки продолжали итти.

— Верочка, подожди, Верка!—Дема пустился догонять.

— Вы оглохли?

Девочки остановились, и Лиза сказала:

— А ты озверел, не узнаешь сестру.

Верочка стояла со слезами на ресницах, обиженная, удивленная и растерянная.

— Ну, давайте мириться,—Дема протянул руку. Верочка отвернулась и громко заплакала.

— Нет, ты скажи,—она повернулась к брату,—зачем разорвал маму: скажи, кто виноват, признайся.

Дема понял, что мировая не произойдет так просто, как он хотел, и потащил девочек за собой, все спрятались в нишу на Лаврской стене.

— Ты во всем виноват, и мама, может, из-за тебя ушла,—всхлипывая упрекала Дему Верочка.—Что ты скажешь ей, когда она приедет. Карточку изорвал, меня обижал, что скажешь?

Дема сморщил лоб.

— Не стыдно будет глядеть на маму? Я все ей скажу. Ну что?—Верочка тряхнула худым посинелым кулаком.—Молчишь, стыдно, нечего сказать?!

— Маму я не увижу.

— Нет, а если она приедет?

— Я к ней не пойду. Да, я проживу один, а ты как хочешь. Мне надоело: „Мама, мама“.—Живут другие и не скулят по-твоему, и я проживу.

Этот разговор Демы с Верочкой о матери был последним. Они встречались, интересовались жизнью один другого, но о матери Верочка боялась заговорить, а Дема не хотел.

Ему некогда вспомнить про лыжи, он бегает с кружка на кружок, от газеты к книгам, пишет повестки выборщикам и разносит по домам. Дема все больше узнает Первого токаря и дружит с нею.

— Какая она боевая,—часто думает он,—у нее все кипит, общественница. Выходит, дружба меняется. Не было никого ближе Лизки, а теперь Лизка...

У Первого токаря большое лицо с подвижными глазами на выкате, шумная походка, немножко крикливый голос, но говорит она всегда дельно, своим появлением вносит порядок. Деме приятно дружить с ней, сидеть поблизости, говорить чепуху и глядеть, как она возмущается и спорит.

— Я же в шутку, позлить тебя,—признается Дема.

Первый токарь подбежит, начнет таскать за волосы и скажет: Пусть Андронов дружит с Лизкой, я с тобой буду—с тобой лучше.

Дема как-то спросил, отчего лучше дружить с ним, а не с Андроновым. Она не захотела отвечать.

— Ну, говори, дурочка, мы же теперь друзья, и я никому ничего не скажу.

— Он лезет целоваться. Как поймает одну, так начнет целовать, а мне стыдно. Да и рано нам.

Однажды Дема провожал Первого токаря через двор в женскую половину интерната.

Завывала метель, двор был заметен сугробами снега, строения, фонари, небо закрывались взвихренными снежинками. Дема вел Первого токаря за руку, а, прощаясь, поцеловал в холодную и мокрую щеку.

— Демка, дурак!

— Я пошутил. С Андроновым целовалась же.

— Больше не смей, выдеру за уши.

И когда Дема поцеловал ее вторично, она схватила его за вихры и начала таскать, приговаривая:

— Хулиган, кто тебе позволил,—оттрепала и шепнула на ухо:

— Когда вздумаю, сама подойду и поцелую.

— Какая смелая,

— А вот какая,—девушка подбежала и поцеловала.—Видал?!

УДИВИТЕЛЬНАЯ НАХОДКА

Очерк Н. ШАМЕТА
Фото Пресс-клише

В № 10 «ПИОНЕРА» была напечатана статья «УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ СМОТРЕТЬ». История, напечатанная ниже, доказывает еще раз, что мы плохо умеем смотреть. «Ходим по золоту а собираем пятачки»—сказал один из членов VI С'езда советов Пермского округа.

Учитесь смотреть!

НЕСЧАСТНЫЕ УЧЕБНИКИ

Очень пострадали от революции учебники географии. Чуть ли не каждый месяц их приходится переделывать и изменять. В каждом из них написано, что на Урале есть металлическая руда, есть цинк, есть медь, есть много рудников, где эту руду добывают. Есть много и заводов, где из руды выплавляют чугун, железо, сталь. И все учебники обязательно прибавляли:

— „Но, к сожалению, на Урале нет значительных источников топлива и его приходится привозить издалека, за тысячи километров—нефть—из Баку, Грозного, уголь—из Сибири, Донбасса. Такие далекие перевозки очень удорожают стоимость топлива, а стало быть, и производства“.

Неверно учебники написали. Снова их придется переделать. Начало этой истории, печальной для учебников, было положено открытием около Соликамска громадных залежей калия. Калий—прекраснейшее удобрение для земли и сырье для химических заводов. Ученые решили — надо определить — как далеко простираются залежи калия. Калий находится под землей, сразу определить сколько его—невозможно. Во все стороны были посланы партии рабочих с буровыми станками. Они должны были пробурить в земле отверстия, а ученые по добываемым из отверстий колонкам земли должны были определить, есть в этом месте калий или нет.

Осенью 1928 г. из Перми выехала одна такая партия в Чусовские Городки. Это—деревня в 50 километрах от Перми, на берегу притока быстрой реки Чусовой. Долго ходили рабочие и ученые около деревни, осматривая, измеряя, изучая землю и, наконец, выбрали место.

— Здесь будем строить, — сказал один из них.

Через несколько недель тут возвышалось странное сооружение. Высокая вышка из новенького теса с красным флагом наверху напоминала нефтяные вышки где-нибудь в Баку. Но тут искали не жидкую нефть, а твердый калий.

Проф. Преображенский.

НЕТ, НЕТ И НЕТ!

Установили в вышке буровой станок, рядом в сарайчике поставили паровую машину, которая приводила станок в движение, и мирно принялись за работу. Медленно, метр за метром, долбил твердую почву бур и выносил наверх колонки земли. Эти колонки посылались на исследование в Москву. Но ответы приходили малоутешительные. Калия нет.

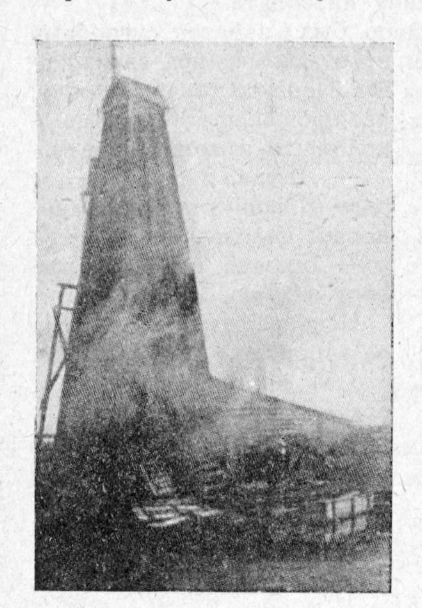
200 метров—нет.

250 метров — нет. Пришла весна 1929 г.

300 метров — нет. Приближалось половодье. Место работ должно быть затоплено вешними водами речки Рассошки, притока Чусовой. Руководители подумывали о прекращении работ.

320 метров—ничего.

Впрочем—сквозь воду, которой промывали скважину, начали пробиваться пузырьки газа с неприятным запахом серы. На поверхности воды появились черные, маслянистые пятна.

Буровая вышка в В.-Гусавских городках, коррат из камневой превратилась в нефтяную.

Нефть сливают из бочки, как сливки.

С глубины 330 метров отправили в Москву очередную колонку. Из Москвы пришел ошеломляющий ответ:

„пустоты в колонке заполнены нефтью“.

На Урале нефть!? Эта весть обежала все уральские заводы и города, помчалась по всему Советскому Союзу.

Бутылка на карте не простая, а с нефтью, добытою на Урале. Она стоит на том месте карты, где эта нефть.

НЕФТЬ БУРЛИТ

А бурение в Чусовских городках продолжалось. Чем дальше бурили — тем больше появлялось признаков нефти. Все больше и больше нефтяных газов вырывалось на поверхность земли, нефть начала выбрасываться брызгами. Рабочие ждали нефтяного фонтана. Это могло грозить катастрофой. Ведь, рядом был паровой котел, и фонтан нефти мог легко загореться. Работа продолжалась. Открытие нефти на Урале заставляло всех рисковать своей жизнью. Но фонтану помешало наводнение. Вода начала подбираться к самой вышке. Пришлось закрыть скважину крышкой. Приложив ухо к крышке, слышно было, как бурлила и переливалась под ней нефть. Под невзрачной крышкой бурлило будущее Урала.

Из скважин добыли около двух тонн нефти. Сделано это было очень простым способом. Около скважины была поставлена бочка. В нее и из нее пропущены трубы. Вода, которой промывали скважину, вместе с нефтью поступала в бочку. Нефть гораздо легче воды, и она всплывала наверх. Там желто-бурую нефть кружкой вычерпывали, а вода выливалась в речку.

Добытую нефть отправили на исследование в Москву и Ленинград. Ученые долго возились с ней, делали всякие опыты и, наконец, сообщили:

Бензину и керосину в уральской нефти больше, чем в бакинской. В уральской—бензину 11,7%, а в бакинской—7,5%; в уральской керосина—28%, а в бакинской—18—20%. Недостатком нефти является присутствие в ней серы. Но от нее легко избавиться.

Как только весть об открытии стала известна—сейчас же из Москвы были посланы на Урал ученые, чтобы окончательно проверить—много ли нефти на Урале. Проф. Преображенский, один из лучших советских геологов, заявил на заседании в Перми:

— Начну доклад с поздравления Пермского округа и Урала с несомненным установлением очень крупных месторождений нефти у самых ворот Перми.

На Урал спешно отправлены с Кавказа четыре партии рабочих для бурения новых четырех скважин. К 1 августа эти скважины должны дать нефть.

ЧЕТВЕРТОЕ ТРЕТЬЕ ВТОРОЕ ПЕРВОЕ

Азнефть взяла шефство над молодым нефтяным районом.

Что же дает уральская нефть Уралу и СССР?

На Урале вырастут новые мощные металлические заводы. Руда для них под боком, а топливо—рядом. Пользуясь дешевым сырьем и дешевым топливом, заводы будут дешево производить железо и изделия из него. Трудящиеся смогут дешево покупать все необходимые для них изделия из железа; дешевле будет обходиться постройка новых машин и заводов. Это—первое.

Уральская нефть удешевит работу заводов Ленинградской и Московской областей и Сибири. На эти заводы возить нефть с Урала гораздо ближе, а стало быть и дешевле, чем с Кавказа. Это—второе.

На Кавказе освободятся миллионы тонн нефти. Мы их сможем вывезти за границу. Там нефть рвут у нас с руками. На золотые миллионы, полученные за нефть, мы купим новые машины и заводы. Индустриализация СССР шагнет далеко вперед. Это—третье.

Из нефти выделывается много ценных химических продуктов, например, краски. Избыток нефти разовьет мощные химические заводы, которых у нас мало. При царском правительстве химической промышленности в СССР не было и она строится только сейчас. Это—четвертое.

Есть еще пятое и десятое, но в первых четырех пунктах—главное значение уральской нефти.

С большим нетерпением рабочие и крестьяне Советского Союза ждут вестей с Урала. Нефть поможет нам пустить больше фабрик и заводов и укрепить Советскую страну.

С большой жадностью встречает буржуазия каждый новый нефтяной источник. Нефть поможет им туже набить карманы. За нефть они готовы перегрызть друг другу горло.

В ближайших номерах читайте об этом рассказ В. Хазина „Пропавший город“.

КУЗЬКИН ПАМЯТНИК

Описал Л. КАССИЛЬ
Срисовал А. КАНЕВСКИЙ

Пушкин, Александр Сергеевич,—величайший из русских поэтов. Памятник ему стоит в центре Москвы, на Страстной площади, перед входом на Тверской бульвар.

Тимирязев, Климентий Аркадьевич—знаменитый русский ученый, один из первых ученых, понявших великий смысл Октября. Памятник ему стоит на другом конце Тверского бульвара, у Никитских ворот.

Пробкин, Кузьма Федорович—знаменитый путешественник, известный всем пионерам под кличкой „Кузька". Христофор Колумб открыл Америку. Кузька в своих замечательных поездках открыл немало недостатков в пионер-отрядах самых далеких уголков СССР. Памятник Кузьке стоит посредине Тверского бульвара. Памятник этот воздвигнут ему при жизни, в воскресенье, 19 мая. На Кузьке прославленная шляпа и красный галстух. Вообще весь он, как живой. Знакомые пионеры даже здороваются с ним и останавливаются, чтоб послушать его интересные истории. Но памятник Кузьке молчит. Об его увлекательных приключениях рассказывают номера журнала „Пионер", которые среди других книг продаются под Кузькиным памятником.

Этот памятник стоит посреди громадного книжного базара, открытого сейчас на Тверском бульваре. По всему бульвару расставлены книжные киоски. В них продают книжки со скидкой, т. е. дешевле, чем обычно в магазинах. Целые дни любители книг, взрослые и дети, заполняют бульвар, роются в книгах, покупают...

КНИГА НА С'ЕЗДЕ

Велик у нас интерес к книге. Я видел, с каким вниманием слушали делегаты Всероссийского с'езда советов доклад товарища Халатова, который заведует Государственным Издательством. Это—самое большое издательство в мире.

Сейчас мы празднуем десятилетний юбилей советской книги. За это время в СССР вышло больше 500 миллионов книг. Полмиллиарда книг издала советская власть. Неслыханное количество! Невиданные цифры! 500.000.000.

Эта грандиозная цифра борется с другой, все уменьшающейся цифрой—цифрой неграмотных. Через пять лет мы сильно уменьшим эту цифру. СССР будет грамотным. Революция, вооруженная книгой, добьется этого. Нам нужны культурные, образованные строители. Революция и книга всегда дружат. Октябрь—великий книгоноша. Он дал книгу тем, кто до сих пор ее никогда не видел. Революция двигает книгу. Книга двигает революцию. Чем больше будет у нас книг, чем больше будет образованных людей, тем скорее добьемся мы полной победы над старым миром, тем скорее мы построим новый.

Об этом рассказал нам тов. Анатолий Васильевич Луначарский. Он делал на Всероссийском с'езде доклад о просвещении, в тот же день, когда товарищ Халатов говорил о советской книге. Такой уж это был ученый день на с'езде. Изучали в этот день книгу, читателя, учителя, школьника, писателя и простую классную тетрадку. Об этом говорили на трех заседаниях с'езда. Книге и тетрадке было уделено столько внимания и времени недаром. Мы отлично знаем, что если мы победим книгой, то победим и вообще. Страна должна учиться! Страна учится. На с'езде, после докладов Халатова и Луначарского вышла скромная делегатка-крестьянка и вот что она сказала (я записал ее речь слово в слово):

— Товарищи!.. Я, как крестьянка, особо складно не могу говорить. Как уж умею. Товарищи! В нашем вот районе—большой район—только две школы и то первой ступени. А которые ребята способные, хочут дальше учиться. Но помещеньев нет. Церквей сколько—а под школу ни одной забрать не дают. А я думаю, нам школа нужней, чем церкви. Как же малограмотные делать колхозы будут. Образование нам—самый первый вопрос.

Так говорила крестьянка, одна из тех, кто понял великую пользу, приносимую книгой и учителем. Но не все еще так думают, как эта крестьянка. Враги

пользуются этим и вбивают всякий вздор в темные головы. В школу пытается проникнуть поп. Кулаки отговаривают родителей пускать детей в школу. Кулаки понимают, что грамотность и культура делают непобедимым пролетариат.

ДВА ПИСЬМА

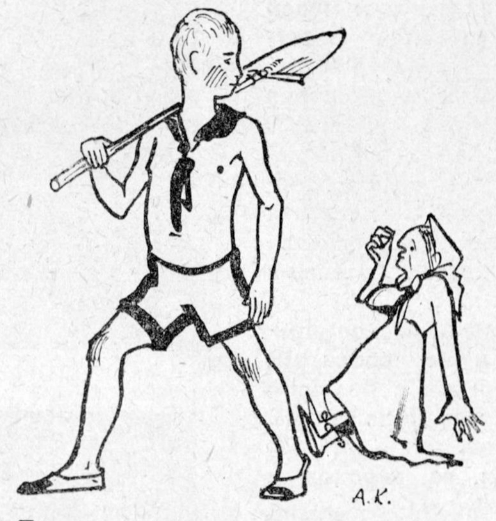
Однажды в газете „Известия ЦИК СССР и ВЦИК" был напечатан мой фельетон о старушке с муфтой. Старушка это пошла на собрание домохозяек. Домохозяйки выбирали в совет. Старушка ни за что не хотела вынимать рук из муфты. Но когда стали голосовать, то старушка моя не выдержала, выдернула руку из муфты и подняла ее высоко вверх... Вот, вкратце, и весь рассказ. Напечатан он был в „Известиях". А через недельку в редакции было получено такое письмо. На конверте тщательно было выведено: *„Москва, Редакция „Известий" Л. Кассилю"*. Внутри было письмо. Чтоб отвести глаза, автор письма начинал издалека. Дескать, муфта вещь очень полезная и т. д. Потом неожиданно следовали рассуждения автора о советской школе:

„Крестьянин - середняк П.", он же „мастер московского завода П.", как он назовет себя в следующем письме, неизвестно, но мы-то знаем, кто он такой.

„Дети советские очень распущенные и ведут себя отвратительно. Летом они бессовестно ходят совсем голышами в одних трусиках, так что смотреть грешно, Срам! Около школы дети шумят и дома не слушаются родителей. Надо для дисциплины ввести разумную порку в школах. Как провинился мальчик или девочка, так сейчас же в классе пусть учитель всыпет ударов пять или десять, там видно будет. От порки только польза ребенку. Боль и стыд он запомнит лучше политграмоты. Такое мнение не одно мое, но и многих других. Все мы вполне сочувствуем советскай власти.

Крестьянин-середняк П."

Пусть кто-нибудь попробует „всыпать ударов пять или десять".

Мы посмеялись над письмом и забыли его. Через месяц случайно на столе редакции „Пионера" я наткнулся на письмо, написанное странно знакомым почерком. Письмо кончалось так:

... „Закон божий полезнее для детей, чем политграмота. Надо детей воспитывать в послушании и любви. Бог должен направлять душу ребенка на истинный путь, а не комсомольцы. Пусть ребенок верит, в кого хочет. А для дисциплины предлагаю ввести порку детей. От этого ребенку только польза. Такое мнение не только мое, но и многих других, которые тоже вполне разделяют советскую власть.

Мастер московского завода П."

„Крестьянин-середняк П." и *„Мастер московского завода П"* один и тот же человек. Вероятно, он так же в действительности похож на *„середняка* или *„мастера"*, как журнал „Пионер" на сюртук или как телефон на храм Христа Спасителя. На этот писака глубокомысленных писем — активный враг революционной науки, враг всего нового и радостного. Будучи не в силах сделать что-нибудь гадкое нашей школе открыто, он шипит в письмах с фальшивой подписью о боге и любви, а в то же время мечтает, как бы это розгами выбить из ребят „вольный советский дух".

Пионеры. школьники, тысячи ребят, жадно роются в кипах книг у памятника Кузьке, весело похохочут над господином *середняком П.*, мечтающем о порке детей по закону божьему.

(Кузькин памятник и примечания смотри на последней стр. обложки)

Всесоюзный слет пионеров на носу

В Самаре, Саратове и других городах слеты уже проходят. Почему вы нам ничего не пишете о слетах? Пора, пора!

В СТРАНЕ ГОЛУБЫХ ОЗЕР

Очерк В. ОРЛОВА

Душно летом в Москве. А тут еще мы только-что прочитали книгу „В дебрях Уссурийского края“. Сидим в клубе и не хочется нам выпускать отрядную стенгазету об итогах зимней работы.

— Эх, поехать бы куда-нибудь, — говорит Вася, редактор стенгазеты. Разговор вертится вокруг этой темы. Главное—нет денег. Но Вася уверяет, что если взяться, то можно и денег достать. Ну мы и решили ехать в Карелию.

Со следующего утра взялись за дело. Деньги появились: рабочие согласились устроить воскресник, мы собрали и продали старые газеты, вычистили в клубе весь мусор и сами внесли по 3 рубля. Всего собралось 200 рублей.

Вечером вырабатывали маршрут и вообще готовились к поездке.

Поехали трое—я, Женька и Валя (остальных не отпустили родители).

Мимо окон вагона мелькают избенки, деревья, поля. Колеса гремят. Кажется, что они о чем-то разговаривают.

В 9 ч. утра поезд подошел к Ленинграду, а ночью осторожно переползал через Волхов. На правом берегу реки стояло многоглазое чудовище—Волховстрой.

В полдень мы приехали в Петрозаводск. Поместились в одном интернате.

Ночь. Что-то не спится. Подхожу к окну—вот так клюква!—2 часа ночи, а светло, как днем. На утро узнал, что сейчас здесь время белых ночей.

Днем осмотрели металлургический завод и музей Карельского края. Потом поехали на лодках осматривать окрестности.

Через два часа пересекли восемь километров Онежской губы и под‘ехали к „Чортову Стулу“. Старики финны рассказывали нам, что здесь когда-то жил чорт и сделал себе стул. И правда—„Чортов стул“ напоминает огромное кресло. Из местечка „Пески“ нам удалось увидеть лесной пожар. Огонь, как разыгравшийся дикий зверь, хватал красными лапами деревья и пожирал их.

На обратном пути с нами случилось первое приключение: озеро разволновалось, и не успели мы от‘ехать, как лодка перевернулась, и мы с большим трудом добрались до берега. К вечеру буря утихла, и мы благополучно доехали обратно.

Через несколько дней мы сели на пароход и уехали в город Повенец.

Вечером с сумками за плечами мы покидали город. В воздухе звенели комары. Мы отмахивались от них ветками, но ничего не помогало. Они кусали нас сквозь одежду, впивались в шею, руки, ноги.

— Придется вымазаться дегтем—недовольно проговорил „Воробейчик“ (так мы окрестили Женю потому, что он нашел дохлого воробья и хотел засушить его для коллекции карельских птиц). Мы достали банки с дегтем и вымазали себе лицо, руки, ноги и шею.

Ночью разбили палатку и быстро заснули.

Утром едва мы вышли из палатки, как Валя и „Воробейчик“ разразились хохотом. Я удивленно смотрел на них. Оказывается, я вымазался самым настоящим колесным дегтем, и цветом стал похож на негра. Вместо очищенного дегтя—мне дали колесного.

В этот день я напрасно старался отмыться. Этим делом я занимался недели две.

Вечерело, когда мы двинулись дальше. Вдруг „Воробейчик“ отбежал в сторону, нагнулся и крикнул:

— Ребята, чемодан нашел!

Мы открыли чемодан, там оказалась сорочка, галстук, немного копченой колбасы и рукописи на французском языке. Колбасу мы с‘ели, а чемодан захватили и пошли дальше.

К вечеру пришли в село Капселье. Был праздник, и одетые по-праздничному жители плясали и пели.

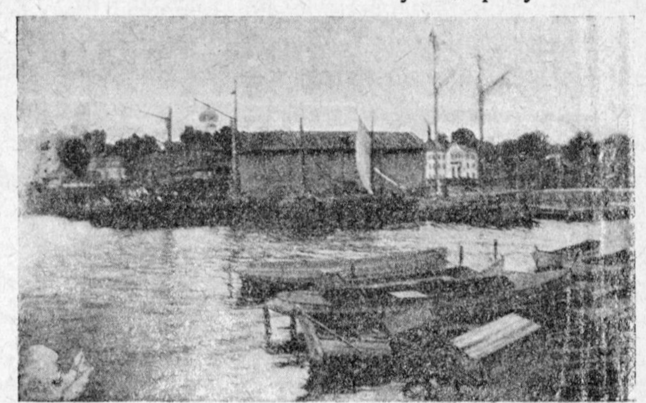
В деревне мы нашли перевозчика и пошли к озеру. Сели в лодку, поехали.

— Дяденька, а откуда у вас столько озер,—спросил „Воробейчик“ у перевозчика.

— Ох, ребятки—это длинная история...—ответил карел.

Мы начали упрашивать старика, и он наконец сдался. Вот что он нам рассказал:

— Вода у нас появилась не сразу. Давно это было—прогнал бог с неба одного человека. Сел человек и горько заплакал. И плакал он до тех пор, пока появилось вот это самое Онежское озеро. Тогда он встал и пошел в путь-дорогу. Идет и

Карелы—народ гостеприимный.

плачет. Упадет слеза—озеро, другая—другое озеро. Так и покрылась наша страна озерами.

Кончил старик рассказ. Тихо. Только шепчутся у берега камыши, да плещутся волны о лодку.

— Дядя, а что Петр Первый когда-нибудь приезжал к вам?

— Как же, приезжал. Осмотрел падуны и лег спать у одной крестьянки, а у нее был маленький ребенок. Он так расплакался, что его никак не могли успокоить. Петр терпел, терпел, потом в полночь сошел с постели, вытащил полтинник, дал его ребенку и говорит: „Я—великий, а ты еще больше—вот тебе полтинник, а я пойду дальше“,—и ушел он неизвестно куда.

Лодка ткнулась в берег. Попрощавшись со стариком, пошли дальше.

Рассветало. Ветер шумел в верхушках деревьев. Шли молча. Вдруг затрещал валежник, и на дорогу вышел огромный медведь. Сперва мы испугались и хотели бежать, но потом тихо прошли мимо него. Медведь оглянулся и ушел в лес.

Утром добрели до деревни, раскинули палатку и заснули.

Проснувшись, мы решили посмотреть, как живут в деревнях карелы.

Поселки состоят из 15—20 домов. Почти все дома двухэтажные. Ну и интересные же эти дома! Дом разделен на четыре части: в нижнем этаже, на одной половине—будничное помещение. Здесь кухня, столовая и т. д. Во второй половине корм для скота. На втором этаже, в одной половине—праздничное помещение карела: здесь хорошая мебель, занавески, чистота. Во второй половине верхнего этажа помещаются... домашние животные!! Лошади и коровы поднимаются на второй этаж по сходням.

Карелы гостеприимны. Когда мы предлагали деньги за взятый у них хлеб—они говорили: „что вы, у нас не принято считаться с фунтами“.

Особенно интересна одна черта карелов: жители нередко во время охоты оставляют в лесу или в поле лыжи, добычу и другие предметы и спокойно уходят домой. Никто там чужой вещи не возьмет

Мы подходили к водопадам „Пор-порогу“ и „Гирвасу“. Издали слышен глухой шум. Он усиливался, пока мы приближались. Наконец, перед нами три порога высотою в 5—6 метров. Брызги, рев воды. Но мы пошли дальше к водопаду „Кивачу“. Еще за шесть километров слышен его шум. Когда мы пришли к „Кивачу“, то шум стал таким сильным, что мы перестали разговаривать,—все равно ничего не было слышно. Чистая, как хрусталь, вода с грохотом падала с двадцатиметровой высоты. Брызги образовывали нечто вроде завесы, поднимающейся выше прибрежных скал.

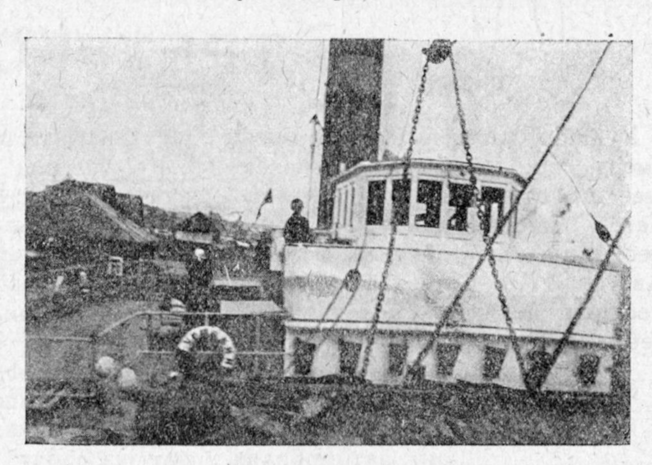
257 километров пропутешествовали мы по Карелии. Наше путешествие близилось к концу. Подходили к Мраморной горе. Угрюмы скалы этой горы. Ветер и вода разрушили их. Внизу змейкой бежит порожистая речка, за ней—село.

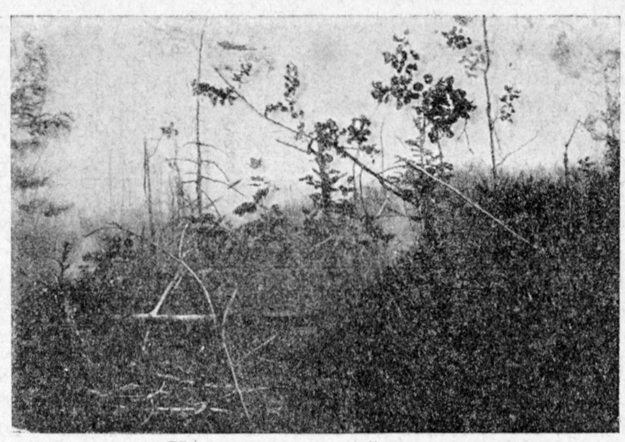
Ноги уносят нас дальше. Через несколько часов мы уже на Кондорстрое. Кипит работа. Машины тоннами захватывают в свои громадные лапы землю и увозят неизвестно куда.

Здесь мы и распрощались с Карелией.

Куда-то приехали...

Мы видели лесной пожар.

Пароход „Урицкий“ повез нас через озеро в обратный путь. Разыгралась буря. Многие пассажиры страдали морской болезнью.

Когда качка окончилась, мы вышли на палубу. Там мы увидали двух людей в цилиндрах. Мы с ними познакомились—оказывается это были французы-литераторы. Они тоже знакомились с Карелией. Они, оказалось, потеряли чемодан; „Воробейчик“ принес найденный им чемодан, это был тот, который они потеряли. Французы поблагодарили нас за чемодан и обещали по приезде в Москву зайти к нам в клуб (в клуб к нам они так и не зашли).

На второй день мы были в Ленинграде. Расположились в Смольном. Осматривали Эрмитаж, Петропавловскую крепость. В Ленинграде мы пробыли четыре дня. Не хотелось уезжать, но пришлось. Мы простились с Ленинградом, и поезд, гремя колесами, увез нас обратно в Москву.

ТРИ СЛЕТА В ТРЕХ ГОРОДАХ

У диких народов каждый месяц имеет свое название, обозначающее его отличительное качество. Так, у индейцев есть месяц бурь, месяц желтых листьев и т. п. Август 1929 г. они бы назвали месяцем великого передвижения ребят. На поездах,
пароходах,
оленях,
верблюдах,
автомобилях.

На всевозможных средствах передвижения, какие только существуют в мире, тысячи ребят отправятся в Москву, Лондон и Вену (найдите их на географической карте),

Цель поездок у всех этих ребят в одно и то же время одинаковая и разная.

В Лондон едут на всемирный слет скаутов. Скауты—это буржуазная детская организация.

В Вену—на слет меньшевистских организаций молодежи и „красных соколов". „Красные соколы"—это меньшевистская детская организация.

В Москву ребята едут на всемирный слет пионеров, младшего поколения трудящихся,

Скаутский слет собирается в честь 21-го года со дня основания скаутской организации. И недаром его собирают в Англии. Дела английских капиталистов не блестящи. В английских колониях, на которых основано все могущество Англии, развивается революционное движение. Англия все меньше и меньше вывозит товаров. Скаутский слет должен помочь английским капиталистам. Недаром же они тратят миллионы рублей на скаутов. Показать силу и богатство Англии, ее превосходство над другими странами, хорошие качества ее товаров — вот первая задача слета. Другая—это показ английским капиталистам, насколько хорошо скаутская орзанизация готовит из ребят будущих покорных рабов-рабочих, воспитанных в „страхе божьем" и не осмеливающихся протествовать.

Задача меньшевиков похожа на задачу руководителей скаутов. Меньшевики больше огня боятся, чтобы из ребят не вышли отважные борцы за дело революции. Они говорят ребятам красивые революционные фразы, но держат их вдали от жизни и борьбы.

Наш слет,—всемирный пионерский слет, на который приедут пионерские делегации всех стран, не таков. Это слет равноправных строителей социализма и борцов за дело революции во всем мире.

18 августа в красную Москву с'едется больше 6 тысяч ребят, делегатов слета. Вся Москва будет завоевана ребятами. Конференции, массовые праздники с десятками тысяч участников, спортивные соревнования, грандиозный парад на Красной площади, ежедневная газета слета, посещение музеев, выставка—вот чем будет занята неделя слета. Делегаты слета будут жить по домам московских рабочих. Это тесно свяжет их с трудящимися Москвы. Десятки рабочих уже требуют, чтобы им дали делегатов.

Главное значение нашего слета—привлечь к пионерской организации внимание всех трудящихся.

Как мы можем это сделать? Только показав всем свою работу, свое участие в строительстве социализма.

Вот, например, еще зимой пионеры и школьники школы им. Луначарского при пос. Краснопавловка организовали при школе зерноочистительный пункт и сами бесплатно сортировали беднякам, вдовам и семьям красноармейцев семена для посева. Каждый день с школьного зерноочистительного пункта тянулись крестьянские обозы с чистым и крупным зерном. Крестьяне благодарили школу за такую помощь.

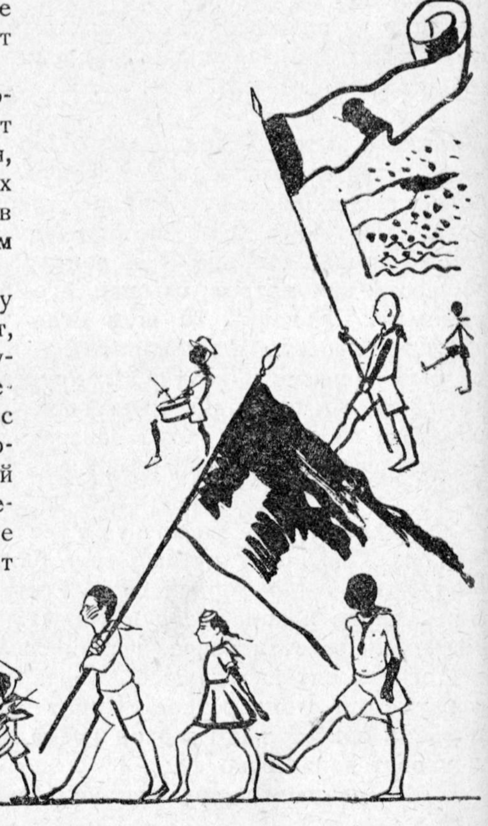
В каждой школьной группе созданы отряды книгонош.

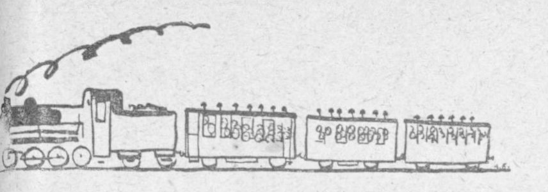
Эти отряды на местном базаре и по ближайшим деревням продают книги. **Книгоноши ведут еще громкую читку книг крестьянам в избах-читальнях и по домам.**

Все школьники агитируют своих родителей за протравливание семян формалином, а при школе устроен показательный протравочный пункт и организован отряд по борьбе с вредителями урожая.

При школе же устроен образцовый детский огород.

Вот другой пример. Пионеры фабрики „Красная оборона" в Мо-

Между прочим

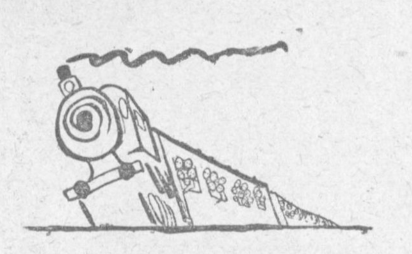
ске организовали в жакте работу с неорганизованными ребятами. Они добились комнаты для занятий. В ней пионеры устроили столярную мастерскую. Все пионеры и ребята ходили по дому, лазили по чердакам, спускались в подвалы в поисках за железным ломом. Потом ребята убирали со двора щебень и сделали для всех квартир железные нумераторы. На средства, заработанные этой работой, ребята приобрели микрофон и установили его в клубе. Домоуправление же установило во всех квартирах громкоговорители.

Теперь пионеры устраивают перед микрофоном концерты и беседы. Их слушает весь дом. Часто высмеивают неплательщиков, пьяниц из жильцов дома и т. п.

Вот показом такой работы на слете мы не только завоюем внимание трудящихся, но поможем друг другу работать. Это вторая задача слета — устроить всесоюзный обмен опытом работы.

Перед всесоюзным слетом по всему СССР прокатится волна местных слетов.

Показом своей работы и своих достижений мы должны показать, что трудящиеся СССР могут гордиться нами. Мы ждем от них усиления поддержки нам. Мы обещаем за это еще лучше помогать строительству социализма в СССР.

Следующий номер выйдет через две недели, в нем будет много интересных новостей.

НОВОСТЬ ПЕРВАЯ

Которая интересует всех читателей, а в особенности те 2 000 из них, которые прислали рисунки на конкурс. Результаты конкурса.

НОВОСТЬ ВТОРАЯ

Которая заинтересует всех деткоров СССР и заграницей. Редакция журнала „Пионер" с помощью ученых, писателей, трубочистов, механиков, изобретателей и других своих сотрудников открыла новую породу деткоров. В следующем номере читайте: ЛЮБОЗ...

Ждите следующего номера.

НОВОСТЬ ТРЕТЬЯ

Интересная всем обитателям земного шара.

КУЗЬКИНЫ СЛЕДЫ

Не памятник, не передвижной, не кукла, а...

Четвертую, пятую, шестую, седьмую, двадцать седьмую, тридцать четвертую, сто сорок вторую и в особенности сто сорок третью новость вы узнаете, прочитав журнал.

НОВОСТЬ СТО СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Эта новость касается только полугодовых подписчиков и ее мы можем сообщить даже в этом номере. С номером 12 кончается срок их подписки, если они не подпишутся снова, то, к сожалению, следующего номера не получат, не получат следующего номера и те, кто вообще на „Пионер" еще не подписался.

На всесоюзный слет пионеров штаб слета вызывает десять лучших деткоров журнала „Пионер". Читайте в следующем номере список этих деткоров.

ЦЕНА 20 КОП.

К СТАТЬЕ „КУЗЬКИН ПАМЯТНИК“

Кузьки нет.

Куда он исчез — неизвестно. Так-таки совсем неизвестно.

Пишут, правда, многие деткоры о том, что видели Кузьку. Некоторые пишут, что даже разговаривали с ним.

Но только все это очень туманно, потому что, судя по письмам, Кузьку, в один и тот же день видели и в Ленинграде на Путиловском заводе, и в Одессе—в порту, и в Бийске—в железнодорожных мастерских, в Нижнем-Новгороде, в Харькове и еще в целом ряде городов и сел.

Из этих сообщений деткоров можно сделать два вывода:

1. Или это чудо.

2. Или что-нибудь другое.

Но так как чудес не бывает, то наверное здесь что-нибудь другое.

Опять же написать неправду наши деткоры не могут. Значит, они или приняли кого-нибудь другого за Кузьку, или же... на самом деле его видели!!!

А если деткоры на самом деле видели Кузьку—значит он изобрел какую-нибудь такую машину, при помощи которой он может в одну секунду переместиться из Ленинграда в Бийск, из Бийска в Харьков и т. д.

Но тут остается неразрешенным еще один вопрос: почему же Кузька не появляется в редакции, раз ему это так легко сделать?

И если некогда ему зайти в редакцию, то почему он не хочет хоть написать письмо?

Странная история! Загадочная история! Таинственная история!..

И ничего в этой странно-загадочно-таинственной истории понять нельзя.

Так что махнем безнадежно рукой и подождем, что будет дальше.

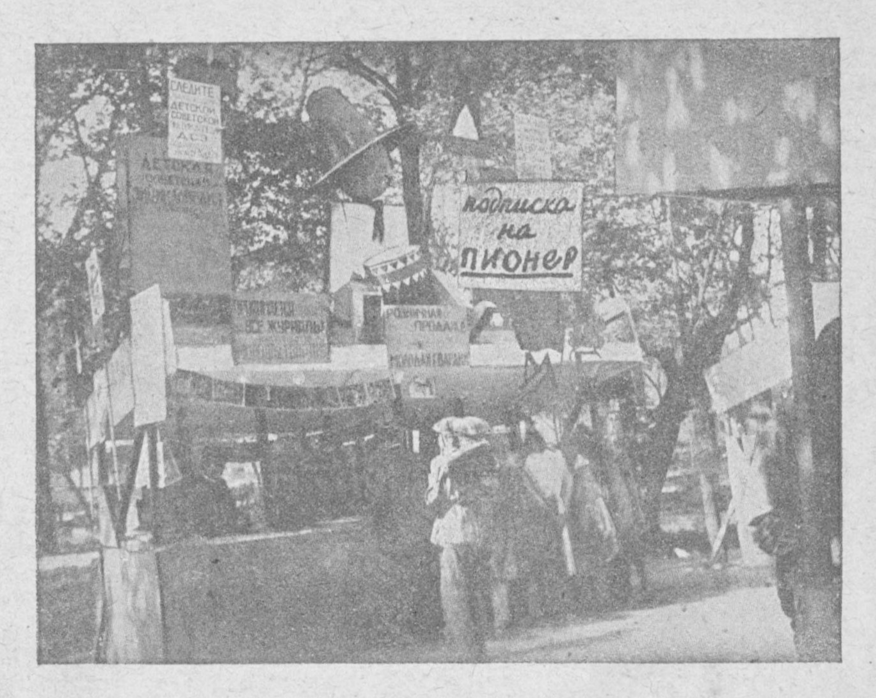
А пока на Тверском бульваре, в Москве сидит памятник Кузьке.

Взор памятника смотрит очень неопределенно (смотри фотографию), задумчиво и печально и всем своим видом памятник выражает бездонно-глубокую грусть по поводу исчезновения Кузьки, настоящего, живого Кузьки.

А рядом с памятником написан плакат:—Принимается подписка на „Пионер“.

Памятник Кузьке сидит.

А Кузька исчез. Где он, что делает, вернется ли когда-нибудь к нам – покрыто мраком неизвестности. Впрочем... читайте следующий номер.

На этой фотографии памятник сливается с окружающей листвой и плохо выделяется, на самом деле, он гораздо красивей и интересней

Москва. Главлит А 39.964. Изд. № 3472. „Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9. 37.000 экз.